

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

СХВАТКА

**ЛЕВ
КОРНЕШОВ**

С НЕНАВИСТЬЮ

В сводках не сообщалось...

Лев Корнешов

Схватка с ненавистью

«ВЕЧЕ»

1976

Корнешов Л. К.

Схватка с ненавистью / Л. К. Корнешов — «ВЕЧЕ», 1976 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-7636-5

«Схватка с ненавистью» – продолжение приключенческой повести «Удар мечом» известного советского писателя Льва Константиновича Корнешова (1934–2005), в которой рассказывается о героической борьбе украинских чекистов с бандеровскими бандами в первые послевоенные годы. Капитан госбезопасности Мария Шевчук получает задание проникнуть в центр антисоветской террористической организации националистов, обосновавшейся за кордоном. Отважная разведчица проходит по тайным тропам националистического подполья, помогает сорвать операцию «Голубая волна», задуманную террористами с помощью империалистических разведок.

ISBN 978-5-4484-7636-5

© Корнешов Л. К., 1976

© ВЕЧЕ, 1976

Содержание

Глава I	7
Глава II	15
Глава III	19
Глава IV	26
Глава V	30
Глава VI	40
Глава VII	42
Глава VIII	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лев Корнишов

Схватка с ненавистью

© Корнешов Л. К., наследники, 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

* * *

Совпадение имен и псевдонимов в повести с подлинными – только случайность

В 194... году на тайной курьерской тропе, проложенной бандитским буржуазно-националистическим подпольем через Западную Украину к кордону, был задержан связной. Он не успел уничтожить донесение. Листик тоненькой папиросной бумаги – шифровку – доставили начальнику управления МГБ одной из областей полковнику Коломийцу.

«Всем боевкам, референтурам и проводам ОУН и УПА¹:

Надлежит разыскать:

Особо опасного для нашего движения агента НКВД, известного нашим людям под псевдо «Зоряна», «Горлинка», «Подольянка», «Мавка» и другими, которые использовались в зависимости от обстоятельств.

Фамилия:

Подлинная фамилия не установлена. Предъявляет документы на имя Марии Григорьевны Шевчук, Олеси Николаевны Чайки и другие.

Профессия:

По косвенным данным – педагог. Работала секретарем райкома комсомола, учительницей Зеленогайской школы.

Звание:

Советское – неизвестно.

В УПА – сотник, курьер центрального провода с особыми полномочиями.

Партийная принадлежность:

Советская: член ВКП(б) – предположительно.

В ОУН: член ОУН (бывший).

Национальность:

Украинка.

Возраст:

Точно неизвестен. Около 28 лет.

Место рождения:

¹ ОУН – так называемая «Организация украинских националистов», создана предателями и изменниками украинского народа для борьбы с Советской Украиной. Активно сотрудничала с гитлеровцами, выполняла кровавые поручения гитлеровской разведки, на содержании которой находилась долгое время. После разгрома фашистской Германии главари ОУН бежали на Запад и оттуда пытались по заданию империалистических разведок развязать террористическую войну против украинского народа. Хозяева у ОУН менялись, но суть – ненависть к Советской Украине – оставалась и остается неизменной. УПА («Украинская повстанческая армия») – так пышно именовали националисты свои бандитские шайки, созданные при помощи гитлеровской разведки на территории некоторых западноукраинских областей в годы оккупации, – пытались действовать и после изгнания оккупантов, но при поддержке всего населения были разгромлены органами государственной безопасности УССР. Боевка, референтура и провод – организационные звенья ОУН и УПА, центральный провод руководил всей сетью ОУН. Сотник – звание в УПА.

Не установлено.

Рост:

166 см.

Телосложение:

Красивая, спортивного склада, иногда можно заметить военную выправку, походка свободная, властная.

Лицо:

Очень правильное, красивое. Лоб высокий, чистый. Кожа смуглая. Скулы, разрез глаз – восточного, но не ярко выраженного типа. Особых примет нет.

Волосы:

Цвета спелого жита. Не красит. В одних случаях ее видели с косами, в других – с короткой стрижкой.

Нос:

Средней ширины, ровный без горбинки, ноздри прямые.

Уши:

Маленькие, круглые.

Подбородок:

Типичный для украинки.

Зубы:

Ровные, без изъянов.

Рот:

Небольшой, полные мягкие губы.

Речь:

Говорит на правильном украинском, иногда с западноукраинским (львовским) акцентом. Свободно владеет немецким, польским и русским. Речь человека, привыкшего отдавать приказы.

Обладающая этими приметами проникла к источникам высших тайн организации, систематически передавала информацию в НКВД. Участвовала в уничтожении боевых подразделений УПА. Неоднократно выдавала себя за курьера с особыми полномочиями, что позволило ей действовать очень эффективно и нанести серьезный ущерб.

Каждый член организации, который опознает эту чекистку, должен, не ожидая особых на то приказов, любым путем, даже ценою собственной жизни, ее уничтожить.

При акции соблюдать осторожность: вооружена, умело пользуется оружием, отличается личным мужеством, выдержкой и хладнокровием.

Референт службы безопасности...

Место постоя...²»

² Место постоя – так в приказах украинских буржуазных националистов обозначалось местонахождение «штаба».

Глава I

В камере было душно. Казалось, ее голые, облупившиеся стены источают густой, проклятый в жерле огромной печи воздух. Только сквозь маленькое окошко еле ощутимо тянулась свежая струйка воздуха. Окошко было открыто – сквозь решетку виднелся край синего неба. Небо было поделено прутьями решетки на ровные квадратики. Леся встала под окном, подставила лицо воздушному ручейку.

Их здесь было трое. У каждой – узкая откидная койка, жесткое солдатское одеяло, набитая спрессованным в камень сеном подушка. У каждой – своя тоска, только духота одна на всех. Привели их сюда разные дороги. Каждую – своя.

Леся вынула из косы шпильку, провела на стене черточку – закончились еще одни сутки. Черточек было много, они выстроились длинной шеренгой, нацарапанные неровно, но глубоко – твердой рукой.

Щелкнул «глазок» на двери, караульный бегло осмотрел камеру. Все как всегда: девушка на угловой койке спит, вторая лежит, уставившись в потолок, а эта, с длинной косой, пристроилась под окном.

– Спать! – равнодушно приказал солдат.

– Иди к черту! – так же беззлобно откликнулась Леся.

Караульный покачал головой: каждый вечер одно и то же. Никак не привыкнет дивчина, что не дома и не в гостях.

– Марш на койку! – уже строже прикрикнул солдат.

– Ложись, Леся, – присоветовала и девушка, бездумно смотревшая в серый, потрескавшийся потолок.

Сухо стукнула заслонка «глазка», солдат потопал к следующей камере.

– Боже, как душно! – Леся сбросила одежду, нырнула под одеяло. – А у нас дома сейчас сады цветут. И яблоньки стоят как невесты перед свадьбой. А на землю ложится розовый снег – яблоневый. И небо над головой звонкое, чистое. Когда-то снова увижу?

Никто не ответил ей. Впрочем, Леся и не ждала, что подруги по камере как-то откликнутся на ее слова. Она уже привыкла к тяжелому, угрюмому молчанию, как привыкла к тому, что каждый день их по очереди водили к следователям.

И сейчас она разговаривала только с собой. Ей казалось, что, когда в камере звучит живой голос, не так давит на сердце унылая тишина.

Чего-чего, а тишины здесь вдоволь...

За два месяца в камере перебивали и другие девушки, находившиеся под следствием по подозрению в связях с националистами. Потом некоторых из них освободили, других куда-то перевели. Леся осталась одна. Вначале обрадовалась, даже в шутку сказала следователю, что у нее теперь отдельный номер. Потом испугалась – одиночество выползло из притененных углов и подступило к ней неслышным, коварным шагом.

Она стала начинать день гимнастикой, делала упражнения до пота, а потом мечтала о холодном ласковом душе.

Еще стихи читала, по памяти, все, какие знала. Пыталась переругиваться с солдатами охраны, но те равнодушно молчали.

Игру себе придумала: «путешествовала» по всем местам, где когда-то бывала. Это было забавно – отрешиться от всего и уйти в прошлое, окунуться в воспоминания.

Наконец появилась толстенькая, неповоротливая Янина. Она присмотрела себе угловую койку, сунула под подушку торбинку с нехитрым имуществом, натянула до подбородка одеяло и сразу уснула.

С тех пор она или спала, или молча сидела на койке, тупо уставившись в одну точку.

Леся пробовала с нею разговаривать.

– Откуда ты?

– С Тернопольщины.

– А за что сюда?

– Не знаю...

– Не придуривайся, – Леся сердито хмурила брови, – не перед слидчим³.

– Так, кажутся, за те, що бандитам допомагала.

– А допомагала?

Яна в недоумении двигала плечами:

– Так у тех же бандитов мой нареченный Гнат... Я ему то харчи прынесу, то самогонки...

– Грепсы⁴ носила?

– Що то – грепс?

– Ну записки такие? – растолковывала Леся.

– Ой, не знаю я ничего...

– Заладила! Носила или нет?

Яна сосредоточенно, с видимым напряжением размышляла над вопросом, потом вздыхала:

– Так носыла...

– Ну и дурепа, – подвела итог Леся.

– Так оно и есть, – покорно согласилась Яна. – А как не понесешь, если Гнат просил? Еще рассердится – что ж, мне в девках век вековать? А Гнат у меня файный... – Воспоминания о возлюбленном выжимали из круглых, как черешня, глаз обильные слезы. – Когда-то теперь его увижу? Увезут меня в Сибирь холодную, некому там будет и на могилку мою прийти...

Голос у Яны звучный, красивый, и причитала она над своей несчастной долей с видимым удовольствием.

– Не ной, – останавливала Леся. – Кому ты нужна в Сибири? Разберутся, что ты просто дура, и выпрут отсюда на все четыре стороны.

– Ага, – вздыхала Яна, насухо вытирая глаза. – Як бы ж я знала. А то Гнат просил... А он такой... Чуть что не по нему, сразу выгоняет и говорит – другую найдет...

Судя по всему, энергичный Гнат использовал свою влюбчивую подругу в качестве связной. Да так, что та об этом и не подозревала.

В какой-то день в камеру привели еще одну девушку. Новенькая хмуро, ни на кого не глядя, подошла к свободной койке, присела на край. Была девушка такой спокойно-неприступной, что даже общительная Леся не решилась заговорить первой, лишь украдкой, искоса ее разглядывала.

Она была очень красивой, это Леся вынуждена была признать, хотя редко-редко девушки соглашались, что есть еще кроме них, разумеется, красавицы. Тонкое, надменное лицо. Удлиненный разрез темных глаз – строгих, почти отрешенных. Нежная, чуть смуглая кожа хорошо гармонировала с темными глазами и пухлыми, яркими губами. «Смуглянка», – подумалось Лесе. Она обратила внимание, как удивительно изящно сидит на точеной головке незнакомки корона из золотых кос. Казалось невероятным, невозможным такое сочетание: цвета спелой пшеницы косы и матовая смуглость лица. Это была та деталь, которая сразу выделяла девушку из разряда обычных и заставляла думать о том, что природа в своей мудрости может сплавить в цветок яркий луч солнца и темную кисею ночи. «Приметная особа, – отметила Леся, – такую опознать несложно».

³ Слидчий – следователь (здесь и далее – с укр.).

⁴ Грепс – шифрованное донесение, письмо.

Девушка встала, прошла по камере, словно давала возможность полюбоваться, какая у нее красивая, грациозная фигурка, упругая, сильная походка, как хорошо, будто богатый наряд, сидят на ней простенькая вышитая блузка и расклешенная юбка из недорогого серого сукна.

«Благородной крови панночка, – Леся цепким взглядом оценила девушку, – такой бы на балах да по шляхетным гостиним красоваться».

– Вошла – поздоровайся, – сказала Леся.

– Здравуются, когда в хату входят, – не приветливо ответила девушка. Выговор у нее был мягкий, только некоторые слоги она произносила жестковато.

– Здравуются не с углами – с людьми, – не уступила Леся.

– День добрый, если вам от того легче станет. – Новенькая зло отвернулась к окошку.

Время от времени, словно тень, по лицу незнакомки скользила злая гримаса. И тогда красота ее сразу меркла, она становилась похожей на привередливую Оксану из бувальщин, рассказанных Гоголем про вечера на хуторе близ Диканьки.

В тот день новенькая больше не проронила ни слова. И когда утром с лязгом открылась дверь камеры, она так же молча, даже не глянув на своих случайных подруг, ушла по вызову следователя.

Возвратилась часа через два: такая же спокойная, неприступная, только усталость бросила легкую тень под глаза.

– Ну как там? – осторожно спросила Леся, кивнув неопределенно на дверь.

– Не понимаю, о чем вы, – резко бросила девушка.

– Понимаете! – обозлилась. Леся. – Вы здесь недавно, а у меня – стаж...

– Не мое дело. – Девушка стала против Леси и в упор на нее посмотрела. – Не я вас сюда упрятала...

Леся подошла к стене, на которой выцарапана была длинная вереница палочек, провела пальцем по выщербленному цементу.

– На досуге посчитайте. Каждая – сутки. Это только здесь. Кое-что было и раньше. Я не хвалюсь, а говорю, что за это время многому научилась.

Девушка по-прежнему смотрела на нее с легким, высокомерным презрением:

– Я при чем?

Леся сделала небольшую паузу, чтобы слова ее прозвучали убедительнее:

– Здесь одной нельзя. Одиночка – самое тяжелое наказание. А ты, – она намеренно сказала этой гордычке «ты», – сама в нее рвешься, хотя рядом с тобой люди. Сдадут скоро нервы, заест тоска, и сама не заметишь, как сломаешься... – Леся сказала это и отвернулась, будто черту подвела: мое дело предупредить, твое – решать. Но в словах ее была правда, и даже толстенная Яна своим красивым голосом подтвердила:

– Говорят люди: одинокую волчицу и плохой охотник подстрелит.

– Я не волчица, – обидчиво сверкнула темными глазами девушка.

Леся улыбнулась примирительно:

– Зато охотники идут по твоему следу. И неплохие, заметь.

В камеру вползли ранние сумерки. Там, на воле, было еще совсем светло, а здесь уже тени легли по углам, зачернили стены. Впереди был длинный однообразный вечер. И тишина, прерываемая лишь мерными шагами часового.

Разговор оборвался. Леся и не хотела его продолжать: на правах старожила она дала новенькой совет, а последовать ли ему – пусть сама решает. Она тихо, для себя запела песню. Песня была о том, как тоскует человек, которому не дано стать соколом, и нет у него крыльев, чтобы покинуть землю и подняться в небо, далеко-далеко, за синие тучи. Вплелись в песню тоска и бессилие.

– Хорошо поешь, – задумчиво протянула девушка. – Ну-ка, еще...

– По заказу не могу. – Леся чуть приметной улыбкой смягчила резкость. Потом за нею пришли.

Леся кивнула Яне и вышла из камеры, даже не взглянув на новенькую.

Когда затихли шаги, девушка повернулась к Яне.

– Кто она такая? – спросила властно.

– У нее и спрашивай, – недружелюбно ответила Яна. Она заметила, что Леся почему-то пререкалась с новой, не совсем было понятно почему, но симпатии ее были на стороне веселой и общительной Леси. Ишь ты, новая, как сова, уставилась, будто хочет испугать ее. Недаром Гнат говорил, что все городские девушки бесстыжие. А эта была тоже из городских, хоть и надела вышитую блузку. Ручки нежные, с такими за плугом не походишь, грасу⁵ они не удержат. Вот Леся – другое дело, эта своя, хуторская, хоть и учительница. Гнат говорил...

– Откуда эта дивчина? – резко прервала неторопливые размышления Яны новая.

Яна лениво повела плечом.

– Может, со Львова, а то и из Ужгорода. Говорила еще как-то, что в Стрие жила. А еще вроде бы бывала в Каменце...

– Ты что, издеваешься? – вскипела новенькая.

Яна с медлительным равнодушием посмотрела на нее в упор. Ишь ты, губы дергаются, будто у припадочной. Куда и красота подевалась. Правду Гнат говорил, что настоящие украинцы на хуторах живут, а в городах те, кто омоскалится, забыл про этот, как его... дух предков...

– Так я ж не знаю точно. Леся-учителька – так ее называют. Если хочешь про нее больше узнать, спроси у самой, когда вернется.

Леся пришла через несколько часов, и походка у нее была медленной, неровной, неуверенной. Казалось, идет по шаткому настилу и боится поскользнуться. Куталась она в платок, туго наброшенный на плечи, на щеках играл яркий, нездоровый румянец. Она устроилась на койке, повернулась лицом к холодной стене и не проронила ни слова. А утром поднялась снова бодрая, в глазах – смешливые искринки.

– Ну вот, подруженьки, – звонко проговорила, – бог даст, скоро я вас покину.

Яна широко раскрыла свои круглые глаза, изумленно уставилась на Лесю.

– Следовательно сказал?

– Пока нет, но я сама чую: к этому дело идет.

– Передашь тогда весточку моему Гнату, – мечтательно протянула Яна, – расскажешь ему, как я его кохала, как в этих стенах сырых только про него одного и думала...

– Обязательно, – охотно пообещала Леся, – если бродит еще твой Гнат по лесам да встречу с ним на узенькой дорожке, то передам, как ты страдала и молилась на него, как на икону... Может, и помилует меня, не прирежет, – неожиданно добавила она.

– Да что ты! – встрепенулась Яна. – Мой Гнат не такой...

– Ага, – продолжала иронизировать Леся, – не такой: он девушек не режет, только насилует...

Пока Яна переводила дыхание от возмущения – Гнат ведь для нее, несмотря ни на что, оставался воплощением всех добродетелей, к Лесе подошла новенькая.

– Нам пора познакомиться, – твердо выговаривая согласные, сказала она. – Меня зовут Ганна, Ганна Божко. – И протянула руку.

Она приветливо улыбалась, и Леся подумала, что улыбка этой дивчине к лицу: она немного смягчала бросающееся в глаза высокомерие.

– От и добре. Мое имя ты уже знаешь. – Леся небрежно стиснула ладошку Ганны, отметив, что мягкая она, ухоженная.

⁵ Граса – тяпка.

– Кстати, откуда у тебя этот выговор? – вдруг поинтересовалась она. – Никак не пойму: ни на Львовщине, ни в Закарпатье так не говорят.

Ганна отвела глаза, неохотно спросила:

– А что, заметно?

– Чувствуется.

– В войну служила в немецком учреждении. Скажи, и в самом деле бывают случаи, когда отсюда выходят?

– Не так уж и редко. Чекисты тут лишних не держат, у них с законностью строго. Вот она, к примеру, точно выйдет. – Леся кивнула на Яну, все еще не пришедшую в себя от возмущения. – Попала сюда по глупости, в том и вся вина ее перед Советами. А за глупость не судят, за глупость только предупреждают.

– А ты? – Ганна смотрела пристально, изучающе, будто хотела прочесть ответ в глазах, отгадать его еще до того, как будет сказан.

– Со мной сложнее. Думала я, что попалась крепко. И надежду потеряла. Но свет не без добрых людей. Пока человек живет – все надеется...

– Туманно очень, – разочарованно сказала Ганна.

– А яснее и не требуется. Во всяком случае, нам еще с тобой здесь не один день коротать – наговоримся. Если освободят – то не завтра...

И действительно, дни тянулись серые, однообразные – одинаковые. В камере почти всегда стояла тишина. Изредка горестно вздыхала Янина.

Воля давала о себе знать неясными сигналами автомобильных гудков, газетами, которые каждое утро приносили в камеру. Обычно это была «Радянська Україна» – Ганна прочитывала ее от строки до строки и становилась после этого еще сумрачнее. «Неплохо идут у Советов дела», – пробормотала как-то, вычитав, что успешно восстанавливается Киевский университет и трудящиеся столицы с энтузиазмом восстанавливают Крещатик.

– А чего ж, – охотно согласилась Леся. – Они – сила...

– Ты-то чему радуешься?

– Добрый вечер, дивчинонько! – издевательски поджала губки Леся. – Огнем и мечом пройдем по Украине? Так, кажется, мечталось? Дудки! Мне лично нужна родина, а не развалины от нее... Советы восстанавливают Украину – то добре.

– И сами крепнут. – У Ганны в глазах бушевала ярость.

– Народ хоть в себя придет от военного горя.

– И в большевиков поверит.

– А тот народ, для которого они стараются, давно в них верит.

– Большевичка? – Ганна сжала кулачки, аргументов ей больше не хватало.

– Беспартийная я, – откровенно иронизировала Леся. И сурово, зло оборвала спор: – Хватит, злорада должна не спать, а силы добавлять.

И Ганна подчинилась ей, перестала спорить.

Иногда Леся пела: знала она песен множество, и голос у нее был хороший, ласковый.

Ганна вслушивалась в песню, становилась еще строже.

«Повий, витре, на Вкраину, де покинув я дивчину...» – ласково упрашивала Леся и даже руки поднимала, будто пробовала, не прикоснется ли к ним отзывчивый ветерок. Но в камере воздух стоял без движения, лишь прорывавшиеся мгновениями сквозь окошко лучи солнца выписывали золотой квадрат на полу. Значит, солнышко уже в зените, скоро время обедать... Леся научилась и без часов, по шумам, которыми наполнена тюремная тишина, по краскам кусочка неба за окошком определять безошибочно время.

Она теперь многое знала о Ганне. Общая судьба, длинные дни в заключении их сближали; и какой бы сдержанной, замкнутой ни была Ганна, она постепенно прониклась к Лесе доверием, кое-что рассказывала о себе.

Может быть, этому способствовало одно обстоятельство; которое помогло Ганне сообразить, почему очутилась здесь эта учительница.

Их дела вел один следователь. И так получилось, что однажды Ганна попала к нему на допрос сразу же после Леси. Следователь был не в настроении, он стоял у окна и торопливо затягивался папирсой. «Садитесь», – махнул он рукой вместо обычного шутивного приветствия: «Поиграем в прятки?»

Ганна присела на грубо сколоченный стул и вдруг увидела: на столе лежит толстая серая папка: «Дело №...». Она наклонилась немного, прочла: «Олеся Чайка» (псевдо «Мавка», «Подольянка»), курьер краевого провода». Против слов «Подольянка» и «курьер краевого провода» были поставлены жирные вопросительные знаки. Видимо, следователь сомневался, является ли учительница особой, которой принадлежат эти титулы.

Ганна мгновенно отметила все это в памяти; и когда следователь подошел к столу, по ее лицу нельзя было понять, как взволновали ее две случайно подсмотренные строки. Следователь заметил свою оплошность, торопливо схватил папку, бросил косой взгляд на Ганну – успела ли прочитать? – и положил папку в сейф.

Допрос длился долго, следователь уточнял подробности, детали. Ганна старалась уйти от конкретных ответов, виляла, путала следователя многословием, подчеркнуто искренними интонациями. В душе она поражалась терпению этого молодого человека, так дотошно который день подряд задававшего ей одни и те же вопросы. Она все ждала, когда начнутся пытки; ей много говорили и Мудрый и Боркун о «пытках в застенках НКВД», и она боялась, что их слова окажутся правдой. И когда ее вызвали на первый допрос, со злостью спросила:

– Когда начнете избивать?

Следователь с интересом на нее посмотрел и хмыкнул:

– Редкий экземпляр...

Ганну взяли на курьерской тропе. У нее были надежные документы, хорошо сделанные специалистами из службы безопасности⁶ центрального провода, и она благополучно миновала несколько проверок, почти добралась до указанного на инструктаже перед рейсом пункта. Оставалось выйти на прямую связь с человеком, который помог бы ей выполнить задание. Ганна ехала на эту встречу к нему в большой западноукраинский город, среди жителей которого надеялась окончательно раствориться, затеряться.

Пригородный поезд, тащился медленно. Вагон, в который попала Ганна, был полупустой, только несколько селян ехали по каким-то своим делам в областной центр, да панок из бывших сиротливо жался к окну. Ганна чувствовала себя в безопасности, в Мюнхене ей сказали, что проверка документов в пригородных поездах с некоторых пор – большая редкость. Советы, мол, стараются не раздражать население.

Ганна с острым любопытством, не отрываясь, смотрела в окно вагона: оставались позади поля, перелески, небольшие села с неизменными церквями или костелами на пригорках. Она приподнято размышляла о том, что вот эта ее родная земля, не раз видевшаяся в беспокойных снах на чужбине, станет полем ее славы и величия.

«Украина ждет вас, – торжественно сказал ей на прощание Степан Мудрый, – земля наших предков спит летаргическим сном, и не волшебники – мы с вами пробудим ее, вдохнем новые силы для великих свершений...»

Мудрый пристально, не мигая, смотрел на Ганну, и она кивнула: да, это так, ей выпала суровая и счастливая доля борьбы.

В Мюнхене остался Мудрый, ждет от нее весточки. Ганна предупредила: первое донесение пойдет лишь после того, как она почувствует себя в полной безопасности. Мудрый одобрил: рисковать перепиской не стоило, каждый такой рейс готовится долго, тщательно, на эмис-

⁶ Служба безопасности (СБ) – карательный и разведывательный орган в бандитских формированиях буржуазных националистов.

сара возлагаются особые надежды, и он должен быть застрахован от случайностей. Годами отрабатывались способы подпольной связи, но кто даст гарантию, что донесение придет в определенные руки? Длинный и опасный путь должен проделать грепс от «земель»⁷ до центрального провода, побывать в руках у многих людей, не исключается, что где-то «прилипнет» к этим рукам. Лучше выждать, убедиться в исправности всех звеньев связи.

«Интересно, что бы они подумали, если бы знали, кто я на самом деле?» – эта мысль привела Ганну в хорошее настроение. Она искоса рассматривала случайных попутчиков.

Двое селян устраивались обедать: застелили чемодан газетой, достали сыр, домашнюю колбасу, куски жареной курятины. Один из них извлек из кошелки бутылку, налил в кружки водки. Он посмотрел на Ганну и улыбнулся. Ганна тоже улыбнулась понимающе: пейте, добрые люди, никто вас не осудит.

Кружком расположились несколько молодых колхозниц, все веселые, говорливые. Ехали они, судя по разговорам, с какого-то областного совещания свекловодов. Ганна с неприязнью прислушивалась к тому, как они восторгались выступлением какой-то Мотри Одарчук, взявшей по шестьсот центнеров буряка с гектара. У одной, судя по всему, главной среди колхозниц, на блузке поблескивал комсомольский значок. «Эти уже омоскалились, обольшевичились, – раздраженно отметила Ганна. – Новая жизнь им, кажется, пришлась по вкусу».

Бабуся с внучкой сидели в конце вагона. Старая дремала, а внучка все старалась высунуться в окно, стреляла по сторонам быстрыми любознательными глазенками. На девочке был пионерский галстук.

В вагоне ехали и другие люди – каждый занимался своим делом, не обращая никакого внимания на соседей. Они не казались настороженными, напуганными или озлобленными, как предупреждал Ганну Степан Мудрый. «Украинцы ошеломлены крушением вековых надежд, они замкнулись, ушли в себя перед лицом огромной опасности, ломающей всех вместе и каждого в отдельности», – Мудрый любил изрекать подобные сентенции, которые, по его мнению, обнажали психологические пласты современных настроений.

Вагон мягко покачивало на стыках, поезд часто останавливался на маленьких полустанках, тихих и пустынных, будто дремавших под знойным небом.

Ганна все больше убеждалась, – что опасности нет никакой; ей, опытному конспиратору, удалось вроде бы благополучно миновать все ловушки, расставленные чекистами. «Интересно, как они выглядят, эти чекисты?» – подумалось Ганне.

Поезд подходил к большому городу, он деловито погромыхал на стрелках, в окно уже можно было видеть красивое, с башенками здание вокзала. На перроне было мало встречающих, пригородные поезда прибывают без того шума и праздничной суеты, которые характерны для курьерских составов.

Ганна сняла с полки небольшой чемодан и прыгнула на перрон. Здесь ее арестовали.

Все произошло буднично просто.

Двое молодых людей вдруг встали справа и слева от Ганны, и один из них сказал вполголоса: «Вы арестованы. Пойдемте с нами». Ганна сунула руку в карман плащика, но выхватить пистолет не смогла: один из двоих молниеносно перехватил ее руку, сжал пальцы в кулак и стиснул в своей ладони, широкой и сильной.

– Не надо, – сказал он спокойно. – Сопротивление бесполезно.

Второй парень взял ее чемоданчик, и Ганна пошла посредине к небольшой машине.

– Вы ошиблись, – сказала она, стараясь быть спокойной. – Даже не спросили, кто я.

– Мы знаем, кто вы, – уверенно ответил один из молодых людей.

В машине он достал из ее плаща пистолет, положил к себе в карман, ощупал воротничок блузки. «Опытный, ищет ампулу с ядом», – отметила машинально Ганна.

⁷ «Земли» в лексиконе украинских националистов – Советская Украина.

Она прикинула, что если внезапно нажать на ручку дверцы и навалиться на нее всем телом, то, если повезет, можно свалиться под заднее колесо. И тогда кончится все.

– Не делайте глупостей, – будто разгадав ее мысли, посоветовал чекист, сидевший рядом. – Ничего не выйдет.

Сердце у Ганны тоскливо сжалось. Это был конец ее курьерского рейса, ее борьбы, которой она отдала много лет жизни. Ей хотелось кричать от невыносимой тоски, от жестокой душевной боли, будто тисками сковавшей все ее существо.

Чекисты сидели спокойные, уверенные в себе, и этого стало еще горше. Если бы они кричали, ломали руки или хотя бы пнули кулаком... Это помогло бы собраться в тугую пружину, возродило бы волю к сопротивлению.

Но парни в штатском вели себя так, будто каждый день брали кого-нибудь с «той стороны» и работа эта им уже малость приелась. Ни любопытных взглядов, ни понуканий – они делали свое дело сноровисто, без суеты.

И еще Ганну поразило – они говорили на чистом украинском языке, мягко и певуче. А Мудрый утверждал, что все чекисты москали.

– Куда вы меня везете? – с трудом разжав губы, спросила Ганна.

– Увидите...

Спокойствие чекистов действовало на Ганну зазора живающе.

Лишь со временем она с ужасом вспомнила, что не выполнила непреложный, нерушимый закон особо доверенных курьеров: в случае опасности ареста немедленно покончить с собой. Эти двое взяли ее как сопливую девчонку, без труда, без риска.

Все случившееся казалось невероятным, дурным сном.

Уже во время следствия, в камере, когда времени для размышлений было более чем достаточно, Ганна мысленно проанализировала каждый свой шаг на пути из Мюнхена до украинского города, где оборвался так неожиданно ее курьерский рейс. Она перебрала в памяти все встречи, все явки, которыми пользовалась, припомнила всех людей, с которыми пришлось войти в контакт. Где-то в этой длинной цепи из паролей, явок, конспиративных встреч была расставлена ловушка. Где?..

Ганна не могла найти причину своего провала.

Глава II

Юлий Макарович с удивлением читал объявление на афишной тумбе у областного Дома народного творчества. Объявление извещало, что в актовом зале педагогического института состоится встреча с кандидатом в депутаты областного Совета М. Ф. Коломийцем, приглашаются все желающие. Методист областного Дома народного творчества Юлий Макарович поправил пенсне и вновь перечитал афишку. Все правильно: избирателей приглашали встретиться именно с М. Ф. Коломийцем, кандидатом в депутаты областного Совета.

– Демократия... – процедил сквозь зубы Юлий Макарович и поспешно оглянулся: не услышал ли кто?

Дело в том, что, как доподлинно было известно Юлию Макаровичу, М. Ф. Коломиец имел звание полковника и являлся начальником областного управления государственной безопасности.

Юлий Макарович решил обязательно пойти на эту встречу: было заманчиво вблизи увидеть и услышать человека, которого он считал в этом городе врагом номер один. Тут читателю следует открыть одну тайну: Юлий Макарович был референтом службы безопасности подпольного краевого провода ОУН. Но об этом знали только два-три его особо доверенных помощника. В картотеке же закордонного провода Юлий Макарович числился под псевдо «Бес».

...За пять минут до начала встречи Юлий Макарович появился в актовом зале. Здесь было уже много избирателей, и не составляло особого труда отыскать себе удобное место в задних рядах. Вообще-то Юлий Макарович был личностью неприметной, костюмы выбирал скромных тонов, избегал всего, что могло бы выделить его. Разве только пенсне – старомодное, так называемое «адвокатское», могло привлечь к нему чье-либо внимание. Однако оно было своего рода свидетельством интеллигентности Юлия Макаровича, так сказать, деятеля на ниве народной культуры. Коллеги Юлия Макаровича по работе привыкли, что он носит сорочки снежной белизны, галстук-«бабочку», что глаза его смотрят из-за стекол пенсне на окружающий мир ласково и отрешенно. Они бы очень удивились, если бы узнали, что у Юлия Макаровича отличное зрение и на явки к своим связникам он приходит в стареньком пальто, в неброской сорочке и без пенсне.

Еще недавно Юлий Макарович счел бы личным оскорблением, если бы к нему обратились по имени-отчеству: звучало бы это «по-восточному». Но с некоторых пор он сам стремился к тому, чтобы быть таким, как ненавистные ему «схидняки». И даже закордонному центру рекомендовал: – Я для вас, для всех, – Юлий Макарович и никто иной...

Юлий Макарович внимательно слушал, как доверенное лицо представляет М. Ф. Коломийца избирателям. Полковник был в военной форме, и Беса это немного удивило. Ему казалось, что чекисты всегда носят штатскую одежду.

Полковник между тем рассказывал о программе, с которой шел к выборам блок коммунистов и беспартийных. Он говорил о том, что крепнут колхозы области, реконструируются цехи самого крупного в городе предприятия – машиностроительного завода, что намечается в городе развернуть жилищное строительство.

Его слушали внимательно, степенно. Чувствовалось, что кандидату в депутаты верят, как верят и советской власти, которую он представлял на этом собрании.

– Предлагаем вопросы задавать в письменном виде, – сказал председательствующий, когда полковник под аплодисменты сошел с трибуны.

Юлий Макарович поерзал в кресле. О, он бы мог задать начальнику областного управления госбезопасности много вопросов! Жаль, не может этого сделать...

Перед полковником положили целый ворох записок. И пока выступал слесарь машиностроительного завода, рабочие которого выдвинули М. Ф. Коломийца кандидатом в депутаты, полковник прочитал записки, рассортировал их.

Вопросы были разные. В одной записке спрашивали, когда соединят трамвайной линией центр города с рабочим поселком. В другой – почему так трудно определить ребенка в ясли. Но больше всего вопросов задали о том, как ведется борьба с остатками националистического подполья.

Полковник отвечал на все вопросы основательно.

– Банды буржуазных националистов, практически уничтожены, – сказал он, – речь сегодня идет о том, чтобы окончательно выкорчевать этот дурной бурьян.

От слов полковника Юлия Макаровича передернуло, он заерзал в кресле и посмотрел на выход. «Да не вертитесь вы», – проворчал сосед.

– Простите, – пробормотал Юлий Макарович.

– Однако мы с вами должны понимать, что борьба еще не окончена, – продолжал полковник. – К сожалению, отдельным, глубоко законспирированным группам националистов удалось уцелеть, выжить. Их подрывная деятельность направляется из-за рубежа сборищем предателей и палачей, укрывшихся под вывеской «центрального провода закордонных частей ОУН». Оуновцы ревностно служат империалистическим разведкам. Выполняя их задания, они стремятся максимально использовать остатки своих сил для шпионажа, диверсий, террора против Украины.

Коломиец рассказал о мерах, которые принимают компартия и правительство Украины для того, чтобы окончательно очистить леса западных областей от националистических бандитов. Полковник вновь подчеркнул, что почти все банды украинских националистов на территории области уничтожены, их главари погибли или арестованы, а тем бывшим бандеровцам, которые осознали свою вину перед народом, предоставлена возможность заняться мирным трудом.

Для Беса эти слова прозвучали похоронным звоном. Он сжал в кармане рукоять пистолета. Если стрелять навскидку, то можно уложить полковника наповал, а там – будь что будет! Бес ясно представил мгновение тишины после выстрелов, потом волну паники. Уйти, конечно, не удастся... Ну и что же...

Бес мог бы авторитетно подтвердить, что все сказанное кандидатом в депутаты – правда. Бандеровские сотни действительно разгромлены, подполье ликвидировано, только в лесах или городках еще сохранились одиночки, но и они обречены. Бес знал почему, хотя даже себе боялся в том признаться: побеждала новая жизнь, она наступала стремительно, властно.

Бесу было хорошо видно, как зал неодобрительно зашумел, когда полковник сказал, что кого-то из бандеровцев простили.

– Они нам – пулю, мы им – хлеб-соль? – поднялся пожилой человек, по виду рабочий.

Коломиец переждал шум.

– Не надо крайностей, – рассудительно сказал он. – Чекисты никогда еще хлебом-солью бандитов не привечали. Не об этом речь. О другом. О том, что среди бандеровцев было немало обманутых. И всегда надо отличать, где бандит, а где заблудившийся селянин, которого бандеровцы угрозами и страхом смерти загнали в лес. Борьба с буржуазным национализмом – это борьба классовая. И, естественно, у нее много граней. Разве просто иному полуграмотному, не имеющему политического опыта хлопцу разобраться в том, что проповедуют националисты? Ой как непросто! Мне, скажу вам доверительно, – по-доброму улыбнулся полковник, – не раз приходилось «беседовать» с бандеровцами: и бывшими, и такими, кто не раскаялся. Знаете, что поражает? Полное незнание жизни, целей, за которые борется наш народ. Иные так заплутают меж трех сосен, что только диву даешься... Вы, конечно, понимаете, что говорю я не о тех, кто сознательно встал на путь борьбы с Украиной Советской и мечтает об установлении

буржуазного строя, о собственных заводах и хуторах, адвокатских конторах и торговых фирмах. С такими у нас и разговор другой. А вот обманутым надо глаза открывать...

– Много ли их? – иронически спросили из зала.

– Они есть, и мы должны это учитывать. Не наша это пословица – «Лес рубят, щепки летят»... Как должны помнить и то, что украинские буржуазные националисты накопили колоссальный опыт демагогии и лжи. Знаете, наверное, что та же ОУН была создана еще в 1929 году под крылышком немецкой разведки.

– Ого! Бандиты со стажем! – Зал чутко реагировал на каждую фразу оратора.

– Вот-вот, очень точно подмечено! А ведь и до той поры существовали десятки националистических организаций. За что они боролись, какие цели перед собой ставили? У меня есть националистическая газетенка той поры. Вот что в ней провозглашалось...

Полковник извлек из папки небольшую по формату газету, пожелтевшую от времени, нашел нужное место, прочел:

– «Украинский национализм должен быть готовым ко всевозможным способам борьбы с коммунизмом, не исключая массовой физической экстерминации хотя бы и жертвой миллионов человеческих экзистенций...»

Полковник отложил газетку, чуть иронически усмехнулся.

– Не очень понятно, верно? Слова все какие-то замысловатые... Это оттого, – объяснил он тут же, – что желто-голубые добродии всегда были равнодушны к псевдонаучной тарабарщине. А если ее отбросить, как шелуху, то легко увидится бандитский призыв к уничтожению любыми способами миллионов людей. Ибо физическая экстерминация означает физическое уничтожение. Кого? Человеческих экзистенций – человеческих существ.

Полковник внимательно глянул в зал, словно хотел проверить, понятно ли он говорит.

– Впрочем, вспомните недавние события. Все мы знаем, в чем обозе приплелись националистические бандиты на Украину в сорок первом. Соперничали с гитлеровцами в том, кто больше убьет, сожжет, расстреляет... Пусть не надеются, что мы это забудем, у народа крепкая память...

– Помним... – сказали из зала.

Полковник резко и гневно говорил о том, против чего боролся последовательно, неустанно.

– Если вы окажете мне доверие и изберете своим депутатом, то я обещаю, что как ваш представитель и избранник приложу все свои силы для того, чтобы покончить с националистическим бандитизмом. В этом вижу долг коммуниста, долг гражданина!

Раздались аплодисменты. Они шквалом накатились на Беса. Аплодировали все, и Юрий Макарович, всеми силами сдерживая ненависть, тоже похлопал пухлыми ладошками.

– Хочу повторить, – сказал полковник, – что борьба не закончилась. Мне иногда приходится читать издания националистов за рубежом. Эти недобитые бандиты с волчьей тоской вспоминают о тех временах, когда под защитой гитлеровских автоматов могли терроризировать целые села, устраивать облавы на коммунистов и комсомольцев, чинить еврейские погромы, расстреливать, как они выражаются, москалей и жечь хаты поляков. В одной из записок меня спрашивают: «Кто сегодня поддерживает националистов, есть ли у них союзники?» Отвечу так: у нас, на Украине, националистов ненавидят за горе и жестокие злодеяния. Это святая ненависть. Но «союзники» у националистов есть. Это империалистические разведки, это те, кто мечтает о новом походе против нашей великой страны.

Полковник достал из папки еще один лист бумаги.

– Я прочитаю вам документ, который даже меня, много повидавшего человека, потряс до глубины души. Вот что вспоминает маленькая девочка о налете банды Клея...

Полковник говорил тихо, но его слышали все.

– «Двадцать девятого ноября 1944 года под вечер дома были мой отец, мама, сестра Эмилия и я. К нашей хате подошла группа вооруженных людей. Два бандита вошли в комнату, а остальные остались в сенях. Те, что вошли в комнату, требовали, чтобы отец вышел во двор. Отец вышел в сени, здесь его окружили бандеровцы. Один из них возвратился в хату, выругался и выстрелил из пистолета в голову матери – она упала на пол. В сенях он убил отца. Вернувшись в комнату, он еще раз выстрелил в труп мамы, потом вышел в сени и спросил у бандитов: “И ее убить?” Я потеряла сознание...»

Коломиец закончил чтение. Он стоял на трибуне молча, будто задумался. И люди молчали – тишина эта была как минута молчания в память погибших.

– Хочу спросить... – поднялась в зале женщина. – Ответьте мне, товарищ кандидат в депутаты, что с тем выродком Клеем? А то, может, и сегодня еще землю топчет?

– Клей, к сожалению, ускользнул, – ответил полковник. – Но мы разгромили вооруженное националистическое подполье. Ничто им не помогло: ни оставленное гитлеровцами оружие, ни террор, ни ложь. Они были обречены, потому что пошли против народа.

Бес снова потянулся к пистолету. Он, всегда сдержанный, привыкший с ювелирной точностью взвешивать каждый свой шаг, терял рассудок от бешенства. Огромным усилием воли он все-таки заставил себя сидеть и слушать.

– Вам плохо? – спросил участливо сосед.

– Ничего, пройдет, – выдавил Бес, – знаете, годы не те... сердце пошаливает...

Он даже улыбнулся: бледно, чуть разжав тонкие губы.

Глава III

Степан Мудрый встретился с одним из руководителей центрального провода, Максимом Боркуном. Встречу назначил Боркун, и Мудрый шел на нее без особого восторга: он пока не представлял, зачем понадобился Боркуну.

Боркун считался в центральном проводе наиболее удачливым автором сложных комбинаций по заброске на «земли» курьеров и агентов. Только несколько высших руководителей знали, что он работает в тесном контакте с иностранными разведывательными службами.

Референт СБ Степан Мудрый, гроза рядовых агентов, по сравнению с ним был мелкой сошкой. Степан сознавал свое ничтожество, полную зависимость от Боркуна, завидовал ему, боялся и опасался навлечь на себя его недовольство.

Они могли бы встретиться на службе – для этого Степану надо было подняться этажом выше, миновать «привратника» с двумя пистолетами в карманах и постучать в комнату № 7. Под этим номером значилась приемная Боркуна, в которой постоянно вертелись двое-трое его подручных, носивших звонкие титулы адъютантов и старшин по особо важным поручениям. Из приемной под бдительными взорами «адъютантов» визитер попадал в кабинет: большую, подчеркнуто скромно меблированную комнату. Дубовый стол, шкаф с книгами духовных вождей украинского национализма, на специальной подставке в глиняной чашке – целлофановый мешочек с землей. «Земля родной Украины, – чуть приглушив голос, объяснял Боркун посетителю, попавшему к нему впервые. – Прикоснешься к ней – и чувствуешь, как вливаются в тебя свежие силы».

Боркун, несомненно, знал древнюю легенду об Антее. Но на мифического героя член центрального провода походил мало. Боркун выглядел так, как диктовала переменчивая мода послевоенных лет: высокий, сухощавый, он предпочитал пестрые американские костюмы, клетчатые рубашки, туфли на толстой каучуковой подошве. Его ослепительные галстуки неизменно приводили в восторг молодых националисток, а привычка жевать «гумку» вызывала тихую ярость у представителей старшего поколения украинской «колонии», видевших в жевании резины измену национальным традициям.

У Боркуна было худое, удлиненное лицо, заканчивавшееся узким, клиновидным подбородком, впалые щеки, бесцветные глазки, прятавшиеся под набухшими от бессонницы веками. Густые русые волосы взбиты в высокую прическу. Он любил, будто озябнув, прятать ладони в рукава своих пестрых пиджаков, безвольно и расслабленно опустив плечи.

Боркун мог бы сойти за дельца средней руки, не очень довольного своей коммерцией, или за учителя-неудачника, мечтающего о лучших временах.

На самом деле, он был разведчиком высокого класса, опытным мастером закулисной борьбы, умело пользовавшимся против других и интригами, и пистолетами своих «адъютантов».

Нетипичную для деятелей украинского «национального движения» внешность он объяснял необходимостью контактов с представителями «дружественных сил», то есть с иностранными разведчиками, среди которых он должен был выглядеть «своим». Контакты эти были делом прибыльным: так финансировались некоторые операции. Часть средств прилипала к рукам Боркуна. Степан Мудрый при случае и соответствующих обстоятельствах мог бы многое рассказать об этом хапуге, сделавшем головокружительную карьеру: от сотника гитлеровской дивизии СС «Галиция» до одного из руководителей «национального движения». Но такие обстоятельства пока не наступили. И Степан завел на Боркуна специальное досье, которое хранилось в надежном месте. Агенты информировали его о каждом шаге Боркуна. Придет день, и он рассчитается с этим выскочкой сполна за все оскорбления, унижающие честь и достоинство

его – заслуженного борца, взявшегося за автомат тогда, когда Боркун еще под стол пешком ходил.

Боркун был на десяток лет моложе Мудрого – мальчишка, дорвавшийся до власти.

По каким-то причинам Боркун не захотел встречаться с Мудрым на службе. Он позвонил и осведомился, что намерен делать Степан сегодня вечером.

– Всегда к вашим услугам, – почтительно ответил Мудрый, понимая, что не из простого любопытства спрашивает его Максим о вечерних планах.

– От и добре, – доброжелательно откликнулся Боркун, будто и не ожидал другого ответа. – А как вы смотрите на то, чтобы вместе поужинать? Нам, старым борцам, необходимо чаще общаться, – назидательно добавил член центрального провода.

– Для меня то большая честь! – с неискренним энтузиазмом поблагодарил за приглашение Мудрый.

Условились встретиться в загородном ресторане «Альпы».

В точно назначенное время Мудрый вошел в ресторан, который находился чуть в стороне от оживленной трассы. Степан хорошо его знал: бывал и раньше. Посетителей здесь обычно немного, и можно было поговорить без опасения, что содержание беседы станет известно заинтересованным лицам.

Метрдотель встретил Мудрого у двери легким поклоном.

– Вам сюда, – указал кивком головы на угловой столик.

– Вы уверены? – чуть насмешливо поинтересовался Мудрый.

– Да, мне кажется, именно о вас говорил герр Крюне.

Крюне была одна из «деловых» фамилий Боркуна.

– Я действительно условился пообедать с герром Крюне в «Альпах», – подтвердил Мудрый.

– О, от старого довоенного ресторана осталось одно лишь название, – добродушно поддерживал разговор метрдотель. – Время не обошло стороной и нас. – У него были манеры дипломата в отставке) – приветлив, но без малейшего оттенка фамильярности. И слова его должны были означать как раз обратное: несмотря на тяжелые времена, «Альпы» остаются «Альпами» – солидным рестораном для солидных людей.

– Что будете пить? Пиво для начала?

– Пиво, – буркнул Мудрый.

Ему пришлось ждать Боркуна минут пятнадцать. Но он не позволил накопиться раздражению: предстоял серьезный разговор, и нельзя, чтобы эмоции превалировали над разумом.

Мудрый задумался и не заметил, как к столику неслышно подошел Максим.

– Мое шанування⁸, – Боркун приветливо улыбался, а глаза у него застыли, смотрели холодно и оценивающе.

Мудрый встал, торопливо пожал руку высокому гостю.

Пока официант бесшумно сервировал стол, поговорили о том, о сем: об общих знакомых, второстепенных делах, житейских заботах.

Максим казался оживленным, с неподдельным интересом выслушивал пространные жалобы Мудрого на трудности, с которыми приходится сталкиваться в последнее время при подборе и обучении надежных, идейно убежденных людей.

– Вы правы, – согласился он, – контингент, с которым можно работать, постоянно сужается. Но дело не только в этом...

– А в чем же? – осторожно спросил Мудрый.

– В приверженности к старым методам, в косности, разъедающей нашу систему подготовки кадров...

⁸ Мое шанування – мое почтение.

Мудрый подобострастно кивал. Да, он тоже не раз об этом думал. Длинными тоскливыми ночами лезли в голову разные мысли. Пропало все, стинуло, развеял злой ветер мечты.

А казалось, цель близка. 30 июня 1941 года Мудрый в числе немногих националистов участвовал в сборище в доме № 10 на львовской площади Рынок. Был тихий вечер, тишина казалась странной после недавних боев. Мудрый сидел в полупустом зале и с волнением слушал, как один из ближайших сподвижников Бандеры, референт по идеологическим вопросам Ярослав Стецько, декламирует «акт провозглашения украинской державы».

Голос у Стецька дрожал, в конце чтения «акта» референт сбился на тонкий визг.

Мигали свечи, и было в собрании что-то от траурной церковной церемонии. До сих пор Мудрый помнит запах сырости, вьющейся в углы зала. И долго еще вспоминались слова третьего пункта «акта»: «Вновь возникшая Украинская держава будет тесно сотрудничать с национал-социалистской Германией, которая под руководством своего вождя Адольфа Гитлера создаст новый порядок в Европе и во всем мире...»

Мудрый подумал с тоской, что с той поры не миновало и десятка лет. Где они, мечты? Впереди пропасть, и есть ли хоть капелька надежды удержаться, не свалиться в нее?

Боркун что-то говорил, и Мудрый усилием воли заставил себя вслушаться в этот поток слов.

Видно, и сам Боркун заметил, что референт СБ без особого внимания относится к его монологу, потому что внезапно замолчал, и после паузы сказал резко и чуть презрительно:

– Я знаю, о чем вы думаете. Борьба закончилась полным поражением, вместе с капитуляцией Берлина рухнули и наши надежды, не так ли?

– Ошибаетесь, – стараясь, чтобы ответ прозвучал почтительно, сказал Мудрый. – Действительно, положение у нас не из легких. Поражение Германии привело к тому, что оказалась разрушенной и создававшаяся годами наша система борьбы. Вы не хуже меня знаете, что к окончанию войны перестали существовать наши диверсионные школы, пропагандистские центры, перевалочные базы в Австрии, Германии и некоторых других странах.

– Да, это так, – признал Боркун.

– Вам также известно, что если мы даже имели бы возможность набрать людей, то все равно не смогли бы их одеть, вооружить, кормить...

– Эти прописи я и без вас знаю, – чуть раздраженно прервал его Боркун. – Не вам мне рассказывать, что наши сотни снабжались вермахтом.

– Этой базы больше не существует.

– Найдем новую!

– Мне бы ваш оптимизм!

Мудрый позволил себе усомниться в словах Боркуна.

– Джентльмены из английской Интеллидженс сервис и американцы из службы Даллеса пока относятся к нам весьма прохладно...

– В некоторых случаях реклама вредна.

– Верно, бывают и такие связи, о которых не стоит писать в газетах.

– Вот-вот, – кивнул Боркун. – Самое главное, что в нашей борьбе с Советами мы не одиноки. Над Европой подули новые ветры.

– Вы имеете в виду речь Черчилля в Фултоне?

– Не только ее, хотя эта речь – целая веха в послевоенной истории. Разве не знаменательно, что специальные службы некоторых государств стали выделять даже людей для связи и контактов с нами?

– Об этом вслух не говорят, – приглушил голос Мудрый.

– Не волнуйтесь, здесь нас не услышат. Да, действительно, – задумчиво, будто размышляя вслух, продолжал Боркун, – наши надежды на быстрый успех в вооруженной борьбе потерпели

крах. Мы не контролируем события, приходится в этом признаться. По имеющимся сведениям, одиночки там, на украинских землях, еще продолжают сражаться. Но они обречены...

– Мужество героев не пропадет бесследно, – почтительно сказал Мудрый.

– Безусловно. Но мы реалисты – это безысходное мужество. Самоубийцы выбирают обычно самые высокие мосты, чтобы броситься вниз головой. И никому не придет в голову считать их рекорсменами по прыжкам в воду. В лучшем случае их хоронят в укромном месте и без панихиды.

– Не совсем понимаю вас... Не можем же мы прекратить борьбу!

– И не должны. Но вести ее следует новыми методами, а не уподобляться самоубийцам.

Сколько вы послали за последнее время агентов на «земли»? – неожиданно спросил Боркун.

Мудрый замаялся. Даже здесь, в укромном ресторане, он предпочитал не говорить о таких вещах.

– Впрочем, я и без вас знаю, – свысока бросил Боркун. – Ушло у вас пять человек. Двое погибли в перестрелке на границе, двое явились с повинной к Советам, один где-то осел так, что сыскать его невозможно. Короче, воспользовался вашими деньгами и документами, чтобы сбежать от своего прошлого, а заодно и от вас...

– От нас... – тихо поправил Мудрый.

– Не имеет значения. Факт остается фактом: из пяти попыток ни одной удачной. Это сейчас самое важное. Остальное – лирика. А мы с вами – люди дела, не так ли?

Мудрый опустил голову. Боркун болтает о вещах, которые знать ему не положено. Для него была составлена рапортчика: пятеро ушли за кордон, двое погибли смертью героев в схватке на границе, трое приступили к выполнению задания. Боркун должен был передать эту цифирь «друзьям», которые дали деньги на операцию.

Мудрый в минуту раздражения называл свою службу «конюшной». Видно, в «конюшне» завелась «серая лошадка». Придется навести порядок.

– Не вздумайте искать мой источник информации, – словно угадав его мысли, проворчал Боркун. – Отобью охоту...

– Мы с вами не из конкурирующих служб, – примирительно улыбнулся Мудрый. – От вас секретов нет... – Он с ненавистью глянул на прилизанный пробор Боркуна, склонившегося над тарелкой, и испугался: вдруг тот заметил его взгляд?

Официант принес отличный бифштекс. В другое время Мудрый с аппетитом поужинал бы – в этом уютном ресторане отлично готовят. Но проклятый выскочка затронул болезненное место. Мудрого преследовали в последнее время неудачи: курьеры уходили и не подавали о себе вестей. Или надежные люди сообщали об их провалах. Двое не смогли даже переправиться через кордон. Хорошо, хоть отстреливались, это дало возможность положить на стол руководству реляцию о награждении посмертно мужественных борцов за национальную идею. Ластивка и Вир подняли руки, как только добрались до первой советской погранзаставы. Один курьер – казалось, надежный и проверенный – где-то затерялся в безбрежной стране: наверное, как и предполагает Боркун, забился в какую-нибудь дыру, уничтожил снаряжение и живет себе тихо да мирно.

– В нашем деле без риска невозможно, – хмуро сказал Мудрый.

– Речь идет не о риске, а о полной бесперспективности усилий. – Боркун энергично уничтожал бифштекс: казалось, напряженная беседа только разжигает его аппетит. – Ну хорошо, пошлем мы еще пятерых... Что это даст? Где гарантия, что они сумеют прорваться на ту сторону и выполнят задание?

– Несколько наших людей возвратились, – напомнил не без гордости Мудрый.

– С чем? – наседал Боркун. – Что они принесли? Байки о тяжелом положении на Украине? Так им никто не верит. Знаете, что сказал наш общий друг майор Стронг, когда я принес отчеты ваших людей? Он посоветовал оставить себе на память – им эта «липа» не требуется.

Мудрый тоскливо смотрел в сторону, старался не встречаться взглядом с Максимом. Вцепился в него, будто он, Мудрый, во всем виноват. А если разобраться, то его люди выполнили задание пусть не лучше, но и не хуже, чем обычно. Они шли по надежным адресам. Разве их вина, что вместо хорошо законспирированных, как значилось в картотеке СБ, очагов подполья, они никого не нашли? Один из агентов должен был проинструктировать краевой провод, в распоряжении которого якобы имелись значительные силы. Агент спасся чудом: в день, когда чекисты взяли все руководство провода, он пьянствовал у своей давней приятельницы. Вот уж воистину бог дураков любит. И никакие силы за этим проводом не стояли: сотни давно разгромлены, одиночки затерялись в лесах.

– Я знаю ваши обычные задания курьерам, – серьезно сказал Боркун. – Кое-кто в центральном проводе не может расстаться с мыслью, что УПА на «землях» больше не существует – большевики ее уничтожили. Легенда об УПА живет и еще по одной причине: те, кто нам платит, должны видеть, что мы кое-что можем. Вы, Степан, стоите у истоков специальной информации. Скажите, положи руку на сердце: действительно ли имеются у нас на «землях» какие-то силы?

Мудрый сосредоточенно думал. Что ответить? Правду сказать? Понравится ли она, эта правда, одному из руководителей центрального провода? Да знает он ее хорошо и сам. Выпытывает, вызывает на откровенность...

– Борьба продолжается, – вполголоса сказал Мудрый, – и до тех пор, пока жив хоть один человек...

– Бросьте, – поморщился Боркун, – это вы скажете тем, кого пошлете на Украину. Мне нужен другой ответ.

– Какой? – Мудрый впервые за весь разговор поднял на Боркуна бесцветные глаза. И подумал: «Пусть сделает первый ход. Я ему зачем-то нужен. Я ему, а не он мне».

Боркун недолго помолчал – подошел официант, чтобы сменить приборы. Мудрый хорошо знал, что среди официантов бывает немало агентов различных специальных служб. Мелких доносчиков, получающих «за услуги» жалкие гроши. И ему было известно, насколько цепкок взгляд такой «разведсошки» и сколько профессионалов имело неприятности из-за неосторожно оброненного и тут же подхваченного слова.

Не любил Мудрый рестораны и официантов. Еще не любил он горничных в отелях, случайных попутчиков в поездах, одиноких, скушающих девиц в барах.

И сейчас он выждал, пока официант, подхлестнутый выразительным жестом, испарился.

– Так какой ответ вам нужен?

– Я хочу знать, – напористо сказал Боркун, – могу ли я рассчитывать на вас в выполнении одной очень важной операции...

Мудрый был доволен собою. Первая карта легла на стол. И у него есть чем ее покрыть – козыри еще не играли.

– Всегда к вашим услугам, – невразумительно пробормотал он.

– Э-э-э, так мы не договоримся, – хмыкнул пренебрежительно Боркун. – Да или нет?

– Так нельзя.

Мудрый решил немного сбить спесь с этого самоуверенного молодика. Ишь, развалился в кресле, не хватало только, чтобы на манер своих друзей-американцев еще грохнул ноги на стол.

– Я могу вам сказать «да». Ну и что? Это будет пустой ответ: не зная брода, не привык соваться.

– Очень хорошо, – неожиданно одобрил член центрального провода, – именно такое мнение о вас и сложилось. Осмотрительность, осторожность в нашем деле – прекрасные качества.

Вполголоса, так что и Мудрому было еле слышно, Боркун стал излагать суть поручения. Требовалось подобрать очень квалифицированного агента для рейса на «земли». Не простого

курьера. Даже не курьера с чрезвычайными полномочиями. Эта сторона деятельности пусть идет, как шла. Нужен человек, который мог бы надолго осесть на Украине, легализоваться, войти в доверие, даже сделать у Советов карьеру. Короче, стать своим у Советов. Хорошо бы, если бы это был интеллигент – задание требует ума и кругозора.

– Вы меня заинтересовали, – решил перебить Мудрый, – с такими качествами – только в руководство всей сетью... Были бы у меня такие люди – не жаловался, бы на судьбу. Вот если потребуется спровадить кого на тот свет – так это пожалуйста, есть проверенные кадры.

Мудрый прикидывался простачком. Этаким недалеким чиновником, все мысли которого сосредоточены на выполнении простых поручений. И всякие там «теории» ни к чему таким, как он. Ни к чему...

– Не прибедняйтесь, Степан, – доброжелательно посоветовал Боркун. – Вам это не к лицу. Я ведь вас знаю не первый день.

– А я всерьез.

– Не верится.

– Известно ли вам, что сделать карьеру у Советов – это не у нас в верхи пробиться? Там ни связи, ни гроши не помогают.

Мудрый опять не удержался, больно кольнул Боркуна: все знают, что вылез тот наверх, к руководству организацией, благодаря влиятельным родственникам, их связям и деньгам.

– Найду других, Мудрый, – гневно повел взглядом Боркун. – Можем обойтись и без вас. И тогда...

Он потянулся к сигарете, и Мудрый услужливо поднес зажигалку. Конечно, курит американские. Американские... А сам ли он разрабатывал операцию? Боркун не будет по собственной воле заниматься черной работой. Этому панку на приемах бы красоваться.

– Я не знаю суть операции, – тихо сказал Мудрый. – Пугать меня не надо, – добавил он вяло. – Я давно пуганный – еще Советами, когда в тридцать девятом срочно оставил в первый раз наш славный Львов. И позже...

– Биографию вашу знаем, – кивнул Боркун. – И пугать не собираюсь. Но рекомендую настоятельно: не переосторожничайте. Я позвал вас, чтобы посоветоваться, хотя мог бы просто приказать.

Конечно, мог бы. Но толку от такого приказа было бы чуть.

Людей знает только он, Мудрый. Можно подобрать такого кандидата, что и кордон перейдет, и на «землях» осядет, а операцию провалит, потому что умеет только одно – на спуск автомата нажимать. А тут работа предстоит тонкая...

Официант опять вертится у стола, нйметса ему. Ишь, глаз не поднимает, такой равнодушный к разговору, что сразу видно – старается хоть слово поймать. Нет, рестораны эти не место для деловых разговоров. Он, Мудрый, предпочитает по старинке: проверенная квартира, парочка верных хлопцев в передней. И все-таки не Боркуна это затея – точнее, не только его. Что же, надо помочь: когда идет крупная игра, перепадает и крупье.

– Хорошо. Я вам дам такого человека. Но только после того, как узнаю, что ему предстоит. И второе: я должен знать, кто еще, кроме нас с вами, заинтересован в успехе операции.

– Это деловой разговор. Условия принимаются. Суть операции в следующем... Да не вертитесь вы бога ради, официант – наш человек...

Разговор этот резко повлиял на судьбы нескольких людей.

Еще не представляла, что ей предстоит, Злата Гуляйвистер – «ученица» Мудрого и племянница редактора недавно созданной националистической газетенки «Зоря» Левка Макивчука.

Строила планы на летние каникулы учительница из небольшого украинского городка Олеся Николаевна Чайка – только несколько человек знали, что была в не очень далеком прошлом Леся Чайка курьером бандитского подполья.

По случайному совпадению в этот же день за сотни километров от Мюнхена, в одной из западных областей УССР, старший лейтенант госбезопасности Малеванный загнал остатки сотни Буй-Тура (он же Ластивка, он же Орлик) в глухое урочище и готовился к атаке...

Глава IV

Буй-Тур понимал, что из этого оврага ему не выбраться. От сотни остались рожки да ножки: сперва наравались на засаду, потом сотню пощипали «ястребки», и, наконец, в нее вцепился со своей группой этот чекист Малеванный. Отчаянное упорство Малеванного известно всем лесовикам, от него не уйти.

Тянулись пятые сутки, как их свинцом гнали по бескрайнему лесу. И негде отсидеться – на хуторах тоже наверняка предупреждены и встретят сотню огнем. Была думка – оторваться от погони и уйти в самую глушь, где и бог не увидит, и черт не достанет. Но разве оторвешься от Малеванного? Идет след в след, огнем пропалывает сотню, осталось уже пятнадцать стрелцов. А у Малеванного, судя по огню, четыре «дегтяря», и на каждом хуторе к нему то один, то два «ястребка» подсоединяются – всем хочется поскорее покончить с ним, Буй-Туром.

Звонко ударил выстрел, и тут же в ответ ему – пулеметная очередь. Трескучая, будто палкой по штaketнику провели.

Буй-Тур склонился над картой. Прижал все-таки его Малеванный, вцепился в хвост, будто шулика⁹. За спиной – болото, через него узенькая топкая стежка, известная только охотникам. И конечно, Малеванному, не такой он дурак, чтобы не знать эту тропу, проводники у него из местных. Справа, километрах в пяти, село. Большое село, через него не прорваться. Да и не выберешься из оврага – хлопцы Малеванного обложили остатки сотни с трех сторон, стерегут каждое движение.

А солнце выперлось на горизонт, будто и не думает садиться. До спасительной темноты часа четыре: вполне достаточно, чтобы Малеванный положил в овраге всех пятнадцать.

Ясно было Буй-Туру, что отсюда никуда не уйдешь. Пришло время казаку сложить голову. Погулял – и хватит, смерть не перехитришь.

Его люди, лихие в налетах на незащищенные села, внезапных и жестоких, как удар ножом, в обороне не выдержат, побегут. А куда бежать? В болото... Не от пули погибнут, так в трясине утонут.

Буй-Тур прислушался: Малеванный недалеко, даже слышны команды. В полуденном лесу голоса далеко разносятся, и сосны вторят им приглушенным эхом. Позвал сотник адъютанта, которого все звали Щупаком. Пожалуй, один Буй-Тур и знал его настоящее имя – Степан Рымар, бывший студент Львовской политехники.

– Что будем делать, Степане?

Щупак, удивленный необычным обращением – давно никто не звал его по имени, все «друже Щупак» да «друже Щупак», – глянул на сотника.

Буй-Тур был невысоким, сухощавым и крепко сбитым. Стоял, прислонившись к светлomu сосновому стволу спиной, затянутой в защитный френч. На голове – мазепинка с трезубом, в память о славных днях, когда вручал ему этот символ УПА сам проводник Рен. «Носи с гордостью, отныне ты рыцарь нашей славной неньки – Украины», – напутствовал краевой проводник. Нет Рена – обложили чекисты зимой его схрон, не ушел живым.

За пояс френча – широкий, из добротной кожи – заткнуты две немецкие гранаты с длинными деревянными ручками. Такая цапка летит, будто нехотя, кувыркается, а о землю шлепнется – сеет осколками метров на пятнадцать по кругу. В руках у Буй-Тура ППШ. Почему-то из всех автоматов предпочитал Буй-Тур этот. Хоть он и тяжелее немецкого «шмайссера», зато незаменим в затяжном бою.

⁹ Шулика – коршун.

Сотник давно не брился, оброс мягкой русой бородкой, низко опустились кончики гайдамацких усов. Усталый, с покрасневшими от бессонницы глазами, выглядел он почти стариком, хотя совсем недавно разменял третий десяток.

– Так какое примем решение?

– Не вырваться нам отсюда, друже сотник, – тоскливо сказал Щупак.

– Это я и сам вижу, – недовольно проворчал Буй-Тур.

Загнали карася в сеть. Осталось погибнуть героями. Но погибать – даже «героями» не хотелось.

Солнце жгло нещадно, и сквозь сукно френча проступил бурыми пятнами соленый пот. Буй-Тур потянулся к фляжке и сплюнул: теплый, вонючий самогон казался отравой.

Боевики укрылись за деревьями, за пнями, лежали, равнодушно поглядывая на склон оврага, по которому пойдут на них в атаку хлопцы Малеванного. И вид у боевиков был угнетенный, даже не матерились, просто упали в густую траву за первым попавшимся укрытием – не все ли равно, за каким пнем голову положить? Не вояки, нет, ждут, чтоб скорее все кончилось.

– Передай по цепи, Щупак, – решился наконец Буй-Тур. – Будем пробиваться через болото.

– Згода, друже сотник.

Щупак, пригнувшись, подошел к одному из боевиков, передал ему приказ, тот повторил соседу. Боевики ожили, задвигались, стали подгонять амуницию, собирать положенные «под руку» для последнего боя гранаты.

«Лучше уж такое решение, чем никакого, – подумал Буй-Тур. – Из ста шансов нет и одного, что на том конце болота не сидит засада».

– Гей, Буй-Туре! – крикнули сверху, с обрыва.

Это было так неожиданно, что Буй-Тур вдруг откликнулся:

– Слухаю!

– Это я, Малеванный! Прикажи своим хлопцам не стрелять, хочу у тебя кое-что спросить.

– В переговоры з врагами Украины не вступаю! – ответил Буй-Тур.

– Я тоже, – слышно было по голосу, что Малеванный смеется. – Да и на кой бес мне переговоры с тобой? Ты ж не новичок, знаешь, что отсюда, где я, «дегтярями» твое воинство можно в три минуты успокоить.

– Так чего же тянешь?

– Жалко кровь проливать. – Голос у лейтенанта стал строгим. – И так уж земля наша полита кровью, засеяна горем. Ну да ладно, об этом как-нибудь в другой раз, при лучших обстоятельствах. А сейчас... Вижу, ты через болото решил прорываться...

Буй-Тур ошеломленно молчал. Он теперь убедился окончательно, что оттуда, сверху, Малеванному видно каждое движение его недобитой сотни. Лежат они, как дохлые мухи на стекле, осталось лейтенанту только метелочкой пройти.

– Хочу посоветовать. – Малеванный вышел из-за дерева и стал над обрывом – весь на виду, полоснуть бы очередью до последнего патрона в диске, а потом будь что будет... – Как старому приятелю хочу дать совет...

Буй-Тур скрипнул зубами. Помнит лейтенант и не простит ему той осенней ночи, когда впервые они встретились.

– А что, зажила рана? – зло спросил сотник.

– Ага! – охотно подтвердил Малеванный. – Ты меня тогда только оглушил: мое счастье, что не было у тебя под рукой ножа...

Лейтенант только начинал в те дни службу в этих краях. Пришел с фронта, после госпиталей, и, казалось ему, попал в тишину. И когда пришлось доставить в райцентр схваченного в

облаве бандеровца, он совсем мирно сказал: «Поехали, хлопче», – посадил его рядом с собой на бричке. Позади них устроился солдат с трехлинейкой.

Быстро темнело. Они въехали в лесок, когда выглянул из-за тучи молодой рогатый месяц.

Буй-Тур решил бежать. Он видел, что не в пример лейтенанту солдат настороже, не дремлет, но у него трехлинейка; если повезет, с первого раза промажет, а там кустарник, темень...

– Лейтенанте, зупынысь на хвылынку, – попросил Буй-Тур.

– Тпру-у, – тронул вожжи Малеванный. И тоже слез с брички, чтобы размять затекшие от долгого сидения ноги.

Тогда и ударил его Буй-Тур. Двинул зажатым в кулак камнем по затылку, и лейтенант, не вскрикнув, начал оседать на землю. Буй-Тур прыгнул в придорожную канаву и понесся вперед огромными прыжками, рассчитав, что солдат тоже должен спрыгнуть с брички, так как стрелять по нему мешают лошади. Он точно уловил момент выстрела и упал плашмя на землю, пуля только обожгла плечо. А потом – в кусты, через низкорослый подлесок, кто найдет его в лесу ночью? Солдат расстрелял обойму и, чертыхаясь, оглядываясь с опаской на мрачный в ночной темени лес, погрузил лейтенанта на бричку, погнал во всю мочь лошадей.

О чем они говорили тогда, по дороге? Кажется, лейтенант рассказывал, как нравятся ему эти края и что хочет он остаться здесь навсегда.

Об этой «встрече» и напомнил сейчас Малеванный. Он только крикнул Буй-Туру, что с тех пор поумнел, так что пусть не рассчитывает сбежать еще раз.

Люди Буй-Тура прислушивались к их разговору и время от времени вопросительно поглядывали на своего сотника: что решит. Молодые в большинстве своем хлопцы, они не хотели умирать в разгар солнечного, тихого и ласкового дня. И Буй-Тур уловил эти их мысли, зло, с надрывом выкрикнул Малеванному:

– Где расстреливать будете? – Он потянулся к автомату, чтобы разом закончить этот странный разговор.

– Не делай глупостей, – предостерег лейтенант; ему сверху было хорошо видно, как поднимает Буй-Тур автомат, прислоненный к стволу сосны.

– Не стреляй, друже проводник, – неожиданно сказал и Щупак, – мы не хотим умирать.

– Ты... молчи! Или надеешься, что Советы помилуют? – Буй-Тур хотел было еще что-то добавить злое, но вдруг почувствовал, как уткнулся в спину ствол пистолета.

Щупак решил «ускорить» переговоры.

– Зрада! Хлопцы, бийте по зраднику! – заорал Буй-Тур.

А те поднялись, швыряя подальше от себя автоматы.

По склону шли солдаты Малеванного, шли не торопясь: было ясно, что с бандой покончено.

– Не ожидал от тебя, Степан, – устало сказал Буй-Тур.

– А что делать? – незлобно ответил Щупак. – Жить хочется, друже сотник...

Малеванный подошел к Буй-Туру. Он сильно изменился с той осени, когда видел его бандеровец. Похудел и почернел от жгучего солнца, лесных колючих ветров. Резко выдавались острые скулы на лице, запали глаза. И были они все такими же голубыми и добрыми. Месяцы непрерывного напряжения приучили его к осторожности, к молниеносной реакции на каждое движение врага. Он подошел к Буй-Туру неторопливо и вроде бы без опаски, но проводник видел, каким цепким стал его взгляд, как вздыбились под гимнастеркой мускулы. «От такого уже не сбежать», – подумал проводник.

– Слава героям...¹⁰ – насмешливо сказал Малеванный.

– Здравия желаю, лейтенант! – в хон ему откликнулся Буй-Тур.

¹⁰ Лейтенант иронически здоровается с проводником националистическим приветствием.

– И псам, и гончим, и псарям – слава! – добавил Малеванный, и у Буй-Тура на лицо легла злобная гримаса.

Этот лейтенант причислял его, идейного борца за самостийну, к своре псов и палачей, душителей народной воли, которых «восславил» еще великий Тарас.

– Не издевайся, лейтенант. – Сотник безнадежным жестом расстегнул свой широкий кожаный ремень с гранатами, взвесил на руке и собрался швырнуть в кучу амуниции.

– Отставить! – прикрикнул лейтенант. И – одному из своих солдат: – Кравчук, возьмите у него гранаты.

Кравчук ловко вывернул из гранат взрыватели. «Да, такого не проведешь», – опять подумал Буй-Тур, секунду назад решивший было умереть геройской и скорой смертью.

Солдаты обыскивали бандитов, и те охотно и облегченно – наконец-то кончился этот изнурительный бег от смерти – подставляли под солдатские ладони карманы, освобождались от ножей и пистолетов. Потом их построили в реденькую колонну и повели по склону к выходу из оврага.

– Пошли и мы, – махнул рукой Буй-Туру лейтенант.

Щупак, как и положено, шел на шаг позади своего сотника – привычка, выработанная двумя годами совместного хождения в лесах.

Солнце наконец покатилося к горизонту, и от сосен легли длинные тени, разлились на землю. Шел от нее, от земли, густой дух, мешался с резким ароматом трав, красной ягоды-земляники, сосновой хвои. Буй-Тур подумал, как он измотался за эти пять дней и что хорошо бы лечь на эту землю и не встать...

Глава V

Злата Гуляйвитер подошла к небольшому серо-скучному особняку, на котором красовалась новенькая вывеска: «Зоря». Вільна украшська газета для українців». Она поднялась по каменным ступенькам к парадному входу.

В прошлом это, очевидно, был типичный «арийский» дом. Над парадным сохранилась дощечка: «Вход только для господ». Сбоку от нее белел въевшийся в стену призыв «Покончить с трусами и паникерами». На специальной подставке был укреплен почтовый ящик, и будто для того, чтобы никто не сомневался, какие газеты получали в этом особняке, на нем виднелась полужатертая надпись: «Фелькишер беобахтер». Рядом ввинчено медное кольцо для собаки, у порожка лежал резиновый коврик.

Злата почувствовала легкое раздражение: дядя несколько дней назад неожиданно стал хозяином этого особняка и уже мог бы избавиться от этого старогохлама. Он позвонил ей сегодня днем: приди да приди, давно не виделись. Злата не любила визиты к родственникам. Начинались охи и ахи, часами длились бесцельные, бессодержательные разговоры. Но сегодня от встречи она не смогла уклониться. Дядя, Левко Макивчук, стал редактором газеты «Зоря» и подготовил ее первый номер. Было решено отметить это незаурядное событие в кругу старых борцов за «вильну соборну Україну».

Злата принадлежала к младшему поколению националистов. Но и ей было уже что вспомнить. Люди осведомленные знали, что в биографии племянницы редактора Златы Гуляйвитер («Веселка») – рейды в сорок третьем году по Львовщине, два «путешествия» по нелегальным тропам в качестве курьера в сорок пятом.

Но известно это было немногим, а Злата старалась, чтобы в ее прошлом кто попал не копался. Для всех она была просто Златой Гуляйвитер, симпатичной дивчиной, увлекавшейся историей, пробовавшей силы в журналистике.

Тетка попросила Злату прийти сегодня пораньше, чтобы подготовиться к приему гостей.

Давно, когда Злата была совсем маленькой, ее отец однажды ушел и не возвратился. Позже она узнала, что был отец курьером, поддерживавшим связь между националистическим центром за кордоном и нелегальной организацией националистов на территории Советской Украины. Отец не вернется – это было ясно. Мать Златы перестала его ждать и сошлась с владельцем ресторана «Подол». Держал ресторацию петлюровец Панас Тихий – удалось ему бежать с Украины не с пустыми руками. Он заставил Злату подавать пиво клиентам, улыбаться толстым, разжиревшим на немецких сосисках таким же, как и он, петлюровцам.

А мама пела им украинские песни, по ночам плакала и много курила – к утру набиралась полная пепельница окурков дешевых сигарет.

Потом она умерла.

Злата пошла к дяде, брату матери, Левку Степановичу, и сказала:

– Возьмите меня из ресторации. А то и я умру, как матуся.

– Прокляти петлюры, – злобно сказал Левко Степанович, – замордували дытынку!

Он был сторонником гетмана Скоропадского, с Украины сбежал еще в 1918 году в одном жупане и теперь бедствовал, обивал пороги более удачливых земляков. Но Злату приютил, одел, подкормил и послал учиться.

С годами дела у него пошли лучше, он стал пописывать в газетки и еженедельники, издававшиеся националистической эмиграцией, собрался с духом и высидел за облезлым письменным столом книжку: «Мы в майбутний Европи», в которой поделился своими мыслями о будущем украинских национальных идей. Это будущее, по Макивчуку, зиждилось на двух китах: союзе с германским национал-социализмом и единении всех «здоровых украинских

сил», осевших в Праге, Вене, Берлине и других столицах и, к сожалению автора, раздираемых противоречиями и ссорами.

Брошюрка Макивчука являла собою смесь полубезумных идей, в большинстве своем надерганных из речей Гитлера, Розенберга и других нацистов. Весьма свободно оперируя некоторыми историческими фактами, пан Макивчук пришел к неожиданному выводу, что Киев когда-то был центром варяжского государства. И поэтому у украинцев ярко выражены «нордические» черты, что ставит их в особое положение по отношению к великороссам.

Сделал пан Макивчук и ряд других ошеломляющих исторических открытий. В частности, он пришел к выводу, что Крым является германской территорией, так как там якобы еще в XVI веке жили последние готы. И будет разумно, писал Макивчук, именовать в связи с этим Крым «Готенландом».

За такое «открытие» единомышленники пообещали придушить Левка Макивчука в темном углу – даже им подтасовка фактов показалась подлой: Левко оптом и в розницу «торговал» украинскими территориями.

Разделавшись с прошлым, взялся Макивчук за планировку будущего. Украина станет великим союзником национал-социалистской Германии, утверждал он, в ее движении на Восток. Она даст рейху уголь и хлеб, мясо и руду, фрукты и сталь; она примет всех, кто захочет очистить от москалей ее просторы. Надо только дать ей возможность получить «самостоятельность» и искоренить еврейско-большевистское влияние. А для этого запретить на Украине русский язык и поощрять всеми мерами пропаганду немецкого языка и арийской культуры. Рецепты были нехитрые, и все знали, где Левко Макивчук их позаимствовал.

Словом, пан Макивчук брал свое, что называется, с ходу: нацисты не могли не оценить его «эрудицию и широту взглядов».

И они оценили. Герр Макивчук был приглашен в ведомство Розенберга и удостоился официальной похвалы, а также материальной поддержки, дабы мог продолжать свои научные изыскания.

Итак, книгу заметили – и Макивчук пошел в гору. Скоро о нем заговорили, как о «ведущем национальном публицисте».

Когда Злате исполнилось восемнадцать, Левко Степанович открыл ей тайну исчезновения отца. Он сказал, что во время рейса на Украину отец Златы был схвачен советскими пограничниками. Очевидно, его сослали в лагерь – там и погиб.

– Я б не сказал, что отец твой был прекрасным человеком, но он остался в нашей памяти мужественным борцом, – такими словами закончил свой печальный рассказ Левко Степанович.

Жена его, Евгения, вытерла сухие глаза квитчатым рушником. На добродушном, заплывшем жиром лице ее не было видно горя. О, она б многое могла рассказать Злате о ее датусе. Если грабители с большой дороги – борцы, тогда, конечно, – вечная им память. Разве не Гуляйвитер обирал до исподнего своих же земляков, когда очутились после бегства с Украины в лагерях репатриантов? Сотник Гуляйвитер – упокой, господи, его душу! – добросердечием не отличался, жену свою и ту стегал канчуком. За что только она сохла по такому волоцюге? Злодий, одним словом, его еще до семнадцатого года из университета Святого Владимира выперли, так он в писарчуки подался, а при Центральной раде выбился в люди, стал старшиной. Но и храбрый был, этого не отнимешь. И здесь, на чужбине, семье не дал с голоду помереть, еще и Левка поддержал. А когда спрашивала Евгения, откуда у него деньги, смеялся:

– Ветер принес, я ему брат, недаром зовут Гуляйвитром. Бери и не интересуйся, в наши дни любопытных не любят.

Брала и не расспрашивала больше.

Многое могла бы рассказать Злате тетка Евгения, но научилась за долгие годы на чужбине молчать. Не хочет Левко, чтобы дивчинка всю правду знала, значит, так надо, ему виднее, он

умный, а она как была поповской дочкой, так и осталась, хоть и занесло ее от родного села в тридевятое царство, тридешатое государство.

Толстая, добрая тетка Евгения и на чужой земле пыталась жить так, как учила ее матушка: варила варенье, истово била поклоны перед иконами, обвешивала каждое временное пристанище рушниками, подавала на стол своему Левку вареники и галушки.

Воспитателем Златы стал Левко Степанович. Он к тому времени уже красовался в президиумах националистических сборищ, кого-то представлял и кому-то сочинял манифесты. Принципиально ходил в вышитой белой сорочке (Евгения вышила крестиком) и даже пальтецо пошил на манер жупана. В доме у него говорили только на украинском («Нельзя забывать родной язык, скоро, скоро возвратимся на святую землю»).

Шаг за шагом, день за днем втолковывал он Злате догматы националистической веры. И в пятнадцать Злата в веночке с лентами, в национальном костюме преподносила хлеб-соль почетным гостям на всевозможных собраниях. Гости были немцами, и поэтому Злата начинала приветствовать их на украинском, а заканчивала на немецком.

Оказывали ей эту высокую честь за красоту и ум. Недаром один из лидеров эмиграции, обращаясь к высокому гостю, сказал:

– Хотите знать, как выглядит Украина? Посмотрите на эту девочку. Такая же нежная и гордая. Красивая и не знающая истинной цены своей красоте. Такая же молодая и еще не сказавшая свое главное слово в истории.

Получился маленький спич, в ответ на который гость доброжелательно похлопал пухлыми ладошками и подарил Злате коробку эрзац-конфет.

А Злата запомнила, что она красивая и не сказала еще своего слова.

У Левка Степановича были собраны основные труды идеологов национализма. На книжных полках жались друг к другу Донцов, Грушевский, Петлюра, «теоретики» более поздних времен. Злата читала эти творения запоем, отрываясь только для того, чтобы помечтать об Украине, которую она пока не знала – родилась ведь в Германии. И виделась ей великая страна, прекрасная, как сказка, закованная в большевистские цепи, которые порвет новое поколение украинцев в союзе с Адольфом Гитлером. Так, во всяком случае, говорил ей дядя Левко.

Иногда Украина представлялась ей спящей красавицей, у которой были ее, Златы, черты лица.

Дядя заставлял ее читать и другие книги – советских писателей, тщательно обсуждая потом каждую из них. Он, судя по всему, стремился к тому, чтобы Злата знала то же, что и ее ровесницы там, на Советской Украине. Она, когда понадобится, ничем не должна будет отличаться от них.

Левко Степанович воспитывал всеми доступными ему способами у любимой племянницы и ненависть ко всему советскому, и Злата не подозревала, что специальная подготовка ее началась задолго до курса разведывательной школы, который ей еще предстояло одолеть, как не могла предположить, что шановный добродий Левко Макивчук давно состоял на службе у гитлеровцев, был профессиональным разведчиком. Левко Степанович неутомимо готовил себе смену. Он надеялся, что когда-нибудь его племянница станет «звездой» в одной из двух разведок, которым он служил – и за страх, и за деньги, – в службе безопасности ОУН или в гитлеровской.

...Злата поднялась по ступенькам к массивной, из темного дуба двери. Нажала на пуговку звонка и только тогда сообразила, что пришла на новоселье без подарка.

Открыла тетка Евгения, и Злата извинилась: «Люба тьотю, подарунок за мною, звяняйте глупе дивча».

Тетка расцеловала ее в обе щеки, тут же простила и повела показывать свои новые хоромы.

В передней, у журнального столика развалились в креслах два хлопца в одинаковых твидовых пиджачках. У хлопцев были невыразительные, сонные лица и оттопыренные карманы пиджаков.

– Кто такая? – бесцеремонно спросил один из них у тети Евгении, ткнув пальцем в сторону Златы.

– Племянница, – торопливо объяснила тетка.

– Ага, – хлопцы посовались в креслах, снова задремали.

«Будут высокие гости, – отметила Злата. – Всегда, когда появляются телохранители, вскоре приходит кто-то из членов провода».

Из кабинета вышел Левко Степанович еще в домашнем халате и шлепанцах на босу ногу, но уже весь благоухающий, чисто выбритый, в прекрасном настроении. Он тоже по-родственному обнял Злату.

– Пропустили тебя мои орлы? – не без гордости спросил он. И объяснил: – Свободную украинскую газету надо охранять. Такова реальность этих тяжелых послевоенных лет, когда большевики проникли во все уголки Европы.

«Дело не в высоких гостях, – подумала Злата, – а в том, что газету надо действительно охранять. В лагерях перемещенных лиц немало тех, кого можно смело назвать “красными”. Рвутся к Советам, пишут заявы... Вряд ли им понравится выход первого номера “Зори”. И дядя поступил мудро, позаботившись об охране».

– Кстати, дядя, чем сидеть им без дела, приказал бы соскоблить немецкие надписи у входа – сейчас никому они не нужны, – посоветовала деловито Злата.

– Остались от старого хозяина. Был он какой-то шишкой в министерстве пропаганды у Риббентропа, сейчас переживает бурю в укромном месте. А особняк у него мы взяли в аренду со всем имуществом.

– Кто «мы»?

– Те, кто являются издателями газеты, – уклонился от ответа Левко Степанович.

Евгения показывала племяннице особняк.

Первый этаж отвели под редакцию, на втором, куда вела крутая лестница, разместился редактор. Временно, объяснил Левко Степанович, пока не подыщет для жилья что-нибудь более подходящее. Но судя по всему, Макивчуки устраивались здесь надолго и не собирались терять бесплатную квартиру – в том, что за аренду особняка платит не Левко Степанович, Злата не сомневалась.

Они прошли в парадную гостиную – большую квадратную комнату, где стояли массивные кожаные кресла и пыльные чучела на очень старых шкафах. Солидно выстроились на полках старинные фолианты в кожаных переплетах с золотым тиснением, пристроились к ним пестрые («доступно для каждого арийца») издания геббельсовского пошиба. Несколько полок Левко Степанович уже освободил для «своей» литературы – у него была солидная коллекция националистических творений. По большей части это были дешевенькие публикации с неизменным трезубом, с благодарностями на титульных листах глубокочтимым меценатам, стараниями и коштами которых произведение увидело свет. На видном месте красовались брошюры, сочиненные Левком Степановичем.

Когда-то в гостиной на одной из стен чинным рядом расположились портреты предков владельца особняка. Сейчас они уступили место идеологам и вождям национализма. Эти портреты были меньше по размеру прежних, и вокруг них, как нимб, сверкали квадраты невыцветших обоев. На каждый портрет, как на икону, тетка Евгения набросила рушник.

На стенах висело также множество вышивок под стеклами в аккуратных дубовых рамках.

Были здесь и вышитые мешочки для газет и сигар с аккуратными надписями «Для газет», «Для сигар» – причудливой колючей строкой тянулись готические буквы.

Здесь накрывали стол для гостей.

Из гостиной шел неширокий коридор – двери справа и слева. Там были служебные комнаты редакции, с пишущими машинками, набросанными тут и там гранками, комплектами корректуры.

Еще на первом этаже был небольшой рабочий кабинет редактора – простой стол, кресло, полки для книг. В кабинете Левко Степанович хранил наиболее дорогие его сердцу вещи. В углу стоял суковатый посох – спутник его студенческих хождений «в народ». С этим посохом Левко Степанович, по его словам, исходил всю Украину. Злата так и не могла понять, когда успел он это сделать, – ведь дядько сразу после окончания учительской семинарии в Нежине стал управляющим имением в тех самых Мазепинцах, где подрастала на церковных хлебах юная поповна Евгения, покоровшая вскоре молодого управляющего пышными своими формами и неплохим приданым.

Единственный портрет украшал кабинет – на его обитателя печально смотрел Тарас Шевченко.

Портрет был изготовлен во времена Центральной рады – великого Кобзаря богомазы-самостийники нарядили в вышитую сорочку и соломенный брыль, отчего он неожиданно стал похож на деревенского пасечника. Злата не раз говорила дяде, что не таким она представляет поэта, но тот и слушать не хотел – этот портрет, как он говорил, напоминал ему о бурной юности.

Конечно же в этом кабинете находились и награды Левко Степановича: «Золотой крест», «Серебряный крест» и какая-то немецкая медаль, название которой Злата не знала. «Золотой» и «Серебряный» кресты Макивчук получил за особые заслуги перед ОУН, медаль ему вручили немцы в бытность господина редактора бургомистром в одном из местечек Подолии. О тех временах Левко Степанович обычно вспоминал неохотно. Ему тогда только чудом удалось выскользнуть из рук партизан. «Кошмарными» называл он и дни, когда вместе с немцами спешно покидал Украину.

Еще в кабинете в специальном сундучке находилась парадная форма сына Макивчуков – Олеса, погибшего в рядах дивизии СС «Галиция».

На осмотр второго этажа не осталось времени – гости вот-вот придут. Но Злата и так знала, что там, в спальне, горой вздыбились пуховики, прикрытые немецкими голубыми накидками, что тетка, конечно, без меры все застелила дешевыми, ярчайших цветов ковриками, а на подоконниках – милая ее сердцу герань в глиняных горшках.

Тетка Евгения позвала Злату на кухню – такую же аккуратную и унылую, как и весь особняк.

Тетке Евгении помогали готовиться к парадному ужину две молоденькие девушки из редакции – не то машинистки, не то курьеры. Они сноровисто и умело разделяли хлеб и ветчину под крохотные бутерброды, перетирали фужеры и тарелки.

Злата хотела было сказать, что из этого особняка так и прет арийским духом, а немецко-украинский стиль его интерьера может быть воспринят кое-кем как намек, но передумала. Тетка все равно не поймет, а Левко Степанович со временем сам наведет порядок.

Она познакомилась с девушками: Галя и Стефа служили в редакции машинистками. Они были счастливы, что могут приносить пользу национальному делу и наконец-то имеют постоянную работу.

– А где работаете вы? – поинтересовалась Стефа.

– Учусь, – ответила Злата.

И это была почти правда. Злата действительно училась в специальной школе ОУН, готовилась к выполнению своего «высшего национального долга» – к борьбе с «большевиками и москалями».

Одному очень близкому человеку Злата как-то сказала, что видит в том смысл жизни.

- А что они тебе сделали, большевики и москали?
- Отняли родину.
- А была ли она у тебя, родина?

Близкий человек отличался неуживчивым и колючим характером. К националистам при-
бился случайно – побоялся после войны возвращаться на Украину, откуда вывезли его в сорок
третьем фашисты в качестве «рабочей силы». Поверил националистам, а потом почти открыто
жалел об этом.

- Не оскорбляй! – Когда Злата сердилась, глаза у нее выцветали от ярости.
- Мы сами себя лишили родины...

Злата донесла на близкого ей человека в службу безпеки.

Гости собрались, когда часы в гостиной пробили восемь.

Приходили по одному. Хлопцы из СБ принимали у них пальто и шляпы. Встречал гостей
лично редактор Макивчук.

– Степан, дорогой! Какое счастье видеть тебя! – с неподдельным восторгом обнял он
Мудрого.

Степан искоса глянул на охранников, недовольно проворчал: «Пистолы похуйте,
видно...» Это были его люди, и сюда он пришел не только, чтобы провести вечер в кругу близ-
ких соратников, но и проверить, все ли в порядке в только что прорезавшемся «голосе виль-
ных украинцев».

Пришел Боркун. Он доброжелательно поздоровался с Мудрым, подчеркнул:

- И вы завитали? Радый...

– Хлопцы! Помогите же уважаемому гостю снять пальто, – подкатился к нему Левко
Степанович. Казалось, он светился от радости.

Появилось несколько сотрудников редакции. И Мудрый, и Боркун их хорошо знали, сами
рекомендовали в штат. Точнее, подобрали этот штат, а потом уже редактора, которому ска-
зали: «Вот ваши сотрудники, делайте с ними газету». Впрочем, в немногочисленной украин-
ской колонии все знали друг друга. И не только в лицо, а до мелких деталей официальных
биографий, до привычек и странностей.

Гости вели себя чинно, степенно обменивались приветствиями, вежливо уступали дорогу
у двери в гостиную. Так же чинно вели себя в свое время их родители, собираясь на день
именин или иное торжество в далекие дореволюционные дни в местечках, на той далекой, ста-
рой, доброй Украине, где служили управляющими, директорами гимназий, владели хуторами
и сахарными заводиками.

Как Евгения перенесла в «арийский» особняк герань и вышитые полотенца, так и они
цепко сохранили и берегли традиции старого мира, вывезенные десятки лет назад с украинской
земли.

Они любили вышитые сорочки и жупаны, по воскресеньям – вареники вместо сосисок,
тщательно берегли те немногочисленные реликвии, которые удалось прихватить с собой и
которые подчеркивали их принадлежность к неньке-Украине.

Но больше всего на свете они любили воспоминания: о беззаботных днях на отцовских
вишневых хуторах, о Львове и Киеве – прекрасных городах, где многие из них обучались нау-
кам, о встречах с «корифеями украинской национальной мысли», и своей неуставной работе
на ниве пробуждения национального сознания.

Еще недавно многие из них с гордостью называли имена «друзей» из высших сфер Тре-
тьего рейха. Теперь же эти имена были запрятаны в самые дальние тайники памяти. Было бы
дурным тоном вспомнить тому же Мудрому о внимании к нему Эрвина Штольца, заместителя
начальника абвера II (диверсии и саботаж).

Не могли быть темой для общих разговоров и проблемы нынешнего состояния национа-
листической организации. Это была высокая политика, определявшаяся «лидерами».

Здесь собрался узкий круг людей, притершихся друг к другу, но никогда и никому не доверявших – даже самым близким.

И был среди гостей Макивчука странный человек – Щусь. Так его все и звали – Щусь, хотя вряд ли кто стал бы утверждать, что это подлинная фамилия. Щуся редко видели трезвым и никогда не встречали пьяным. Вот уже несколько месяцев он вливал в себя дозы спиртного, презирая трезвых, но не переступая черту, за которой – белая горячка. Под глазами у него темнели круги, глаза были воспаленные, над ними нависли тяжелые, набухшие веки. Как и всякий подвыпивший человек, Щусь говорил громко и резко, бесцеремонно вмешиваясь в чужие споры. Его не очень любили приглашать на вечеринки и торжества, он же, нимало не смущаясь, приходил сам, прослышав, что где-то есть выпивка и люди.

Шепотом рассказывали, что стал таким Щусь после того, как пришлось ему в Жешувском воеводстве Польши истреблять семьи украинцев, отказавшихся поддерживать бандеровцев. Не так давно Щусь курьером ходил на «земли» и возвратился вконец издерганным, и на какое-то время странно присмирившим. Пить стал еще больше.

– Панове, – влез Щусь в разговор гостей, чинно рассуждавших о том, как рубят под корень большевики основы украинского самосознания, – чепуху вы несете, звяняйте.

– То есть как это чепуху? – возмутился Левко Степанович.

– На Украине никогда не делалось столько, сколько сейчас, для развития языка, литературы, науки, культуры. У них куска хлеба не хватает часто, а книги миллионными тиражами издают. Сами в землянках живут, а школы строят. И какие школы!

– Опять хватил лишнего, – пробормотал себе под нос Макивчук.

Щусь услышал, подошел вплотную к редактору, погрозил пальцем:

– Ох, Левко, плохо ты кончишь! Свой же, как теля на веревочке, прирежут...

Назревал скандал, и Макивчук поспешил потушить его, сунув Щусю чарку с водкой. Щусь, когда выпивал, становился покладистее.

Ждали Крука. Это был один из приближенных вождя ОУН, его правая рука. Крук стоял у истоков высокой политики, он определял вместе с несколькими лицами эту политику и разрабатывал практические шаги для ее осуществления.

Крук вошел в силу недавно, когда вместе с поражением фашистских союзников упали на израненную войной землю и черно-красные знамена УПА. Он был из тех, кто любой ценой решил поднять их снова, если надо – перекрасить, отмыть от крови и грязи, но развернуть для нового похода, ибо союзники ОУН могут меняться, но конечная цель – борьба с большевизмом – никогда.

Лидер был из «молодых». Не из тех, кто обрел пристанище в Германии еще в двадцатые годы после победы советской власти на Украине, а из так называемой новой эмиграции, то есть из тех, кто бежал с Украины вместе с гитлеровцами.

Злата благоговела перед ним. Это была реальная надежда – не на старцев, упивающихся прошлыми заслугами, а на энергичного, сильного человека, думающего о будущем.

Ей казалось неслучайным, что Крук, как и Степан Бандера, происходил из семьи священника, что он вступил в националистскую организацию, как и Бандера, совсем юным и при случае мог вспомнить о своих встречах с «великим Степаном».

Ожидание высокого гостя наложило свой отпечаток на начало званого вечера – никто не садился за стол, беседа велась вполголоса, охранники особняка крутились у входа.

Крук пришел минута в минуту в обещанное время, демонстрируя верность новому стилю руководства – деловому, энергичному.

Стефа преподнесла ему букетик ромашки. Он, в свою очередь, передал их хозяйке:

– Широ вдячный за запрошення...

Поздоровался со всеми дружелюбно, как равный с равными, и гости Макивчука откликнулись на приветствие угодливыми улыбками.

Левко Степанович от оказанной ему чести немного растерялся, и прийти в себя ему помог чувствительный – локтем в бок – пинок Евгении.

– Прошу до столу! – с обретенным энтузиазмом пригласил редактор «Зори».

Вечер этот запомнился Злате присутствием кумира – Петра Крука.

Вот он взял первый номер «Зори» – Левко Степанович роздал еще пахнущие типографской краской экземпляры газеты всем гостям сразу же после появления Крука. Просмотрел бегло первую полосу, развернул. Одобрительно кивнул, задержавшись взглядом на рубрике «Вісті з України». Так же одобрил другую рубрику: «Вспоминают ветераны». Посерьезнел, прочитав заголовок «подвала»: «Рух і час»¹¹.

– Это надо будет внимательно изучить, – сказал Макивчуку. – Ваш материал?

– Да, я имел счастье готовить для номера основополагающую статью. – Левко Степанович, как преданный пес, заглядывал в глаза Круку.

– А кто из руководства просматривал рукопись?

Макивчук ответил, и Крук опять удовлетворенно кивнул. Он поинтересовался источниками информации, которыми намерен пользоваться редактор, посоветовал шире распространять любыми путями газету в лагерях для перемещенных лиц: «Там наши резервы. Я сейчас не говорю о доставке “Зори” на Украину, то спеціальна розмова!..» Посетовал, что номер неважно иллюстрирован: оно и понятно, фотографии с места событий сейчас получить не удастся.

Еще раз полюбовался «Зорей» и сердечно поздравил Макивчука, сотрудников редакции и всех присутствующих с «вызначною подією»¹².

– Наша «Зоря» станет для миллионов украинцев «ласточкой свободы»... – И положил газету на столик. – Напомните, чтобы не забыл взять с собой, ночью поработаю над номером.

Макивчук кивал, кивал, кивал...

– Ваши рекомендации помогут обрести «Зоре» сильные крылья! Она действительно будет ласточкой воли, и к ее голосу прислушается каждый, кому дорого будущее...

Редактор в суете поздравления как-то позабыл, что «Зоря» его отпечатана тиражом лишь в несколько сот экземпляров. Они пока лежат в редакционных кабинетах; неизвестно, куда и кому их направлять. Конечно, часть тиража отправят специальными каналами на Украину, но вряд ли удастся их туда доставить. А здесь число подписчиков исчисляется пока десятками...

Где-то в перерыве между немецким протертым супчиком и украинскими варениками Крук обратил внимание на Злату. Он слышал о девушке как об отчаянно смелом и до конца преданном ОУН курьере, готовом к выполнению самых сложных поручений: Мудрый говорил, что у этой девицы природная хватка отшлифована месяцами упорной подготовки. И Крук тоже отметил холодный взгляд голубых глаз – трезвый и оценивающий, и уверенность, с которой держалась девушка в этой пестрой компании. «Красивая, – подумал Крук, – надо будет проследить, чтобы эсбековцы не слопали этот лакомый кусочек раньше времени». Ему было известно, что в СБ хлопцы проворные, обучают не только специальным предметам...

Злата встретила взгляд Крука, открыто и прямо. Она была в простенькой белой блузке, хорошо оттенявшей смуглую кожу лица. Голубые глаза ее непроницаемы – так смотрят на бьющих поклоны святые на иконах. Наверное, таких, как она, поэты сравнивали с гибкими, стройными тополями. Девушка уложила пшеничные косы золотой короной, пристроила на короне цветок ромашки, и Крук ясно увидел ее в разливе пшеницы под голубым небом, а вдали – отцовский хутор тонет в садах. Круку стало тоскливо, захотелось вернуться в детство, пройти сквозь почудившееся пшеничное море босиком по мягкой пыли степной дороги, приветливо помахать рукой красавице жнице...

¹¹ «Рух і час» – «Движение и время».

¹² «Вызначна подія» – большое событие.

Но этого уже не могло быть: детство давно миновало. Крук выбрал минутку, поманил Злату. Она подошла так, будто давно ждала, когда ее позовут.

- Давно не виделись, – сказал Крук.
- Сто пятьдесят шесть дней.
- Считала? – обрадовался Крук.
- Сто пятьдесят шесть дней назад вы приезжали к нам на курсы.
- А... помню, был Праздник оружия.
- Да.
- А я сейчас увидел тебя там... на нашей родине...

Злата ничего не сказала в ответ. Что же, если руководство пошлет ее на Украину, она готова выполнить приказ.

- Не скрою от тебя, что связи с «землями» оборваны, курьеры не могут туда пробиться.

Ответить, что это ей известно? Но такие вещи не положено знать рядовому члену ОУН. И опять Злата промолчала.

Крук оценил это. «Вдобавок и умненькая», – отметил он. Крук не любил красивых девиц: по его убеждению, они обычно не отличались широтой ума. Эта была исключением. Мудрый и Боркун рекомендуют ее для новой операции. Что же, пусть пройдет проверку – посмотрим.

Таково было правило: самые верные перед новым поручением все равно подвергались проверке. Какие связи появились за последнее время? Что за контакты?

В гостиной стоял разноголосый гомон. После нескольких добрячих чарок исчезла сковывавшая всех степенность. И даже хлопцы, охранявшие особняк, смотрели не так хмуро: перед ними на подносе тоже стояли чарки.

Раздался переливчатый женский смех. Запрокинув голову, смеялась Галя-машинистка; один из сотрудников редакции что-то нашептывал ей, поглаживая оголенную коленку.

Боркун увел в дальний угол Стефу, что-то ей втолковывая. «Наверное, уговаривает», – безразлично подумал Крук. Так называемые «нравственные» качества соратников не особенно его интересовали. Они жертвуют достатком и жизнью в борьбе, не получая взамен ничего, кроме призрачных надежд. Неудивительно, что иногда хотят «развлечься». Такое обоснование Крук придумал давно и придерживался его, к удовольствию подручных: приятно было грешить на идейной основе.

Стефа согласно кивнула Боркуну. «Недолго сопротивлялась», – иронически отметил Крук. У Стефы был обещающий взгляд и томная походка.

Немного осоловевший Левко Степанович разглагольствовал в кругу друзей «о перспективах», рассчитывая, что его рассуждения слышны и Круку. «Орет, как на ярмарке, – поморщился Крук, – не редактор, а сорочинская тетка Параска». Гоголя он не любил (омоскалился), но почитал за яркий язык.

Крук перевел взгляд на Злату.

- В ближайшие дни мы встретимся, – сказал.

И выждал: как отреагирует?

- Предстоит важное дело. Готовы ли?

- Да, – без колебаний ответила Злата.

– Мне нравится ваша решительность. Но ее одной мало. То, что следует сделать, под силу не просто волевым – умным людям.

– Я не из дурочек, – сказала Злата и чуть покраснела: не будут ли приняты ее слова как пустая похвальба.

- Хорошо, что вы верите в свои силы...

– На Украине сегодня неспокойно, – сквозь гул голосов прорывался фальцет Левка Степановича, – украинец мучительно размышляет над местом своей державы в Европе. Украина,

всегда бывшая мостом между цивилизованным Западом и дикой Азией, не может привыкнуть к большевистскому аркану...

«Мост... аркан...» Крук морщился: господа публицисты не могут без сравнений. Да и что он знает про Украину, этот «редактор»? Но других людей нет, и в этом трагедия. Смешно верить, что такие Макивчуки способны изменить судьбу многомиллионного народа. Но если не верить, что останется? Лучше борьба без веры в успех, чем прекраснодушная вера без борьбы...

Глава VI

– Помогите нам, Марк Иванович, – попросил полковник Коломиец.

Буй-Тур хмыкнул насмешливо. Чем может помочь он, бывший сотник бывшей УПА, чекистам? Загнали его в ловушку, скрутили, теперь третий месяц ведут «беседы». Где? Что? Когда? Всего выпотрошили, все выпросили.

Пришлось вспоминать Буй-Туру свой жизненный шлях от первого шага до оврага, в который скатился он под огнем хлопцев лейтенанта Малеванного. А чекисты кое-что добавили, помогли припомнить то, что выпало из памяти у Буй-Тура. Например, как он не на словах, а на деле сражался с фашистами, не выполнив тем самым приказ своего руководства – поддерживать с представителями германского командования дружеские контакты. Мстил за смерть отца? Отец был убит карателями в сорок первом – его вместе с сельчанами вывели к обрыву реки и изрешетили пулеметной очередью. Долг сына – отплатить сполна убийцам. Это и сделал Буй-Тур, тогда еще не сотник УПА, а командир маленькой боевки, никем не управляемой – не было связи, – действовавшей на свой страх и риск.

Ну и что из того, что скрыл от краевого провода свою борьбу с немцами? Знал: по головке не погладят, расстреляют, как сам застрелил боевика, позарившегося на крестьянское добро. Неправомое сравнение? В пламени войны многое сгорело, и немало было такого, что лучше забыть.

А теперь полковник называет его Марком Ивановичем... Сотник Буй-Тур он, вот кто! Марком Ивановичем был бы, если б шел другой стежкой, не лесной, освещенной злыми пожарами.

– Чем же я могу помочь вам, друже полковник?

– Гражданин полковник, – поправил Коломиец. – Ваше обращение мне, советскому офицеру, не по душе.

– Почему же?

– Запятнали ваши соратнички хорошее слово кровью.

Что так, то так. Знал Буй-Тур проводников, чотовых, сотников, куренных, выжигавших села, выбивавших целые семьи. Видел и думал: путь к победе – через кровь и смерть. Победой обновится земля, и забудут люди горе, простят злобу, потому что примирят их светлые идеалы.

Буй-Туру показали кадры кинохроники: колхоз на месте сожженного в сорок четвертом бандеровцами села. Хорошее, сильное хозяйство, добротные хаты, детвора в школе, клуб, и за околицей – жито в рост человека.

Одни сожгли – другие отстроили...

И жену, Марийку, допустили чекисты на свидание. С сынком. Пришли в слезах – не ждали, что он объявится. Марийка работает медсестрой – закончила какие-то курсы. А Буй-Туру еще два года назад сообщили из провода, что замучены жена его и сын чекистами за связь с УПА – слава, мол, героям...

– Я сама пошла тогда до Советов и попросила: отправьте меня куда-нибудь отсюда, потому что не дадут жизни бандеры, вызнали, чья я дружина, топчут стежку по ночам. А мне сына надо растить, твоего сына, Марко. На следующую осень уже и в школу пойдет...

...А сообщали свои – закатували дружину и сына чекисты...

Буй-Тур не чувствовал вражды к полковнику Коломийцу. Степенный и рассудительный мужчина – такому бы в школе учительствовать. Учитель, по мнению Буй-Тура, – первый человек на земле: от него и добро и зло, чему научит хлопчиков, такими они и будут. И когда в одном из сел хотели хлопцы пристрелить старика учителя – уже и к школьной стенке повели, – лично измордовал канчуком охочих до расправы.

Коломиец возится с ним уже который день и ни разу не крикнул, голос не повысил. А мог бы скоренько следствие провести – не отпирался сотник, не петлял, как перепуганный заяц, – рассказал все, что знал. Только и оставалось, что подшить его показания к «делу» – и в суд.

Полковник разрешил давать ему книги и газеты. И занялся Буй-Тур работой, от которой за последние лесные годы совсем отвык, – чтением. Особенно ждал «Радянську Україну», газету из Киева. Виделся ему за газетными строчками новый мир – огромный, непознанный. Тот мир, против которого он автомат поднял. Мир, выбивший навсегда из его рук оружие. Суда которого он теперь ждет.

Коломиец видел, какую мучительную борьбу ведет со своим прошлым бывший сотник, хотя и казалось Буй-Туру, что его боль скрыта от всех. Полковник, возвращая Буй-Тура на допросах в его прошлое, давал возможность еще раз пройти уже пройденное, взглянуть на минувшую жизнь по-новому, другими глазами.

Первые дни Буй-Тур просил: «Расстреляйте поскорее!» Потом замолчал. Задумался. Шли дни, и однажды обернулись его размышления сотней вопросов: отчего да почему? Не приходилось сомневаться: искренне пытался понять Буй-Тур, что же происходит, почему отвернулись люди от таких, как он, прокляли и имена их, и дело.

Политическая безграмотность этого взрослого человека поразила бы неопытного. Но не Коломийца. Полковник знал, как тщательно ограждаются бандеровские «лыцари» от любых соприкосновений с новой жизнью. Смерть грозила каждому, кого подозревали в том, что он как-то связан с сельчанами, встретился, пусть и случайно, с кем-то из знакомых, с симпатией относящихся к советской власти.

Только с ножом и автоматом, только с факелом шли в села бандеровцы.

И Коломиец давал сотнику время подумать, взвесить, прикинуть.

– Вербуете в свою веру? – спросил как-то Буй-Тур.

– А в нашей вере уже больше двухсот миллионов, – ответил полковник. – В нашу веру вербовать, силой загонять не надо...

«Так оно и есть», – подумал Буй-Тур.

Он обычно разговаривал с полковником осторожно, опасаясь хитроумных ловушек и козней, потому что, по словам референтов СБ из краевого провода, были на них чекисты великие мастера.

Но полковник вел себя с ним ровно и спокойно. А тут – встреча с Марийкой, с сыном. Все в душе перевернулось у Буй-Тура.

– Зачем вы их привезли?! – почти кричал он Коломийцу. – Могли бы просто сообщить – живы, мол.

– Ты бы не поверил, – ответил Коломиец. – Тебя ведь специально обучали не верить правде.

Буй-Тур согласился в душе и с этим. Конечно, решил бы, что обманывают чекисты, плетут свои сети. Референт СБ Сорока говорил, что из их сетей самому скользкому и хитрому не выпутаться.

А сыну на следующую осень в школу идти...

– Так чем могу служить, гражданин полковник? – тихо спросил Буй-Тур и встал, как встают перед словом приказа.

– Сядьте, Марк Иванович, – попросил Коломиец. – И попробуйте чистосердечно ответить на очень важный вопрос. Признаете ли вы, что ваша предыдущая деятельность была преступной, направленной против интересов народа?

– Да, – тихо сказал Буй-Тур.

– Тогда нам есть смысл разговаривать дальше. А просьба наша заключается в следующем...

Глава VII

За маленьким окошком камеры кружилась тополиная метель. Тополиный снег цеплялся за прутья решетки и, когда окошко было открыто, ложился на бетонный пол. Леся ловила пушинки, но они от прикосновения теряли свою прозрачную солнечную красоту – серые неказистые комочки.

Было начало осени – знойной, щедрой и веселой.

– Ты же говорила, что выберешься отсюда. – Ганна будто упрекала Лесю в том, что та до сих пор не на воле.

– Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Куда следователю торопиться? Вдруг выпустят меня, а я – националистка? – Леся говорила будто всерьез, а глаза смеялись.

– Я серьезно.

– И я тоже.

Ганна не решалась задевать Лесю: поняла, что одной в камере не выдержать. И разумный человек постарается увидеть в случайных людях, с которыми свела его судьба в зарешеченной клетке, не врагов – друзей.

Однажды они крепко поссорились. Так крепко, что Яна, вначале пытавшаяся притушить искры размолвки, перепуганно всплеснула руками:

– Бешеные! Такой и мий Гнат, як що не по ньому, побиение, очи скажени, прыдушыты може...

Ганна никогда и ничего не рассказывала о себе, но в тот вечер разоткровенничалась. Выходило, по ее словам, что выросла во Львове, родители держали небольшой книжный магазин – в основном украинская литература. В 1939 году магазин стал «собственностью народа», а родителям Ганны хоть с сумой по людям...

Началась, война, и с нею эти жуткие бомбардировки, паника, когда люди, как былинки, закружились во все испепеляющем огненном вихре. Родители Ганны погибли в первые месяцы военного лихолетья. Она пошла работать – знала неплохо немецкий, немцы взяли переводчицей. Не помирать же с голоду? Пусть и оккупанты, но она от них зла не видела. Да-да, слышала и о расстрелах, и о казнях, знает и о том, что немцы уничтожили в те годы львовскую интеллигенцию, ученых с мировой известностью, но это все ее не коснулось, обошло стороной, у нее была чисто канцелярская работа – перевод документов, приказов, распоряжений.

Вроде бы и счастье свое нашла. Встретилась с солидным, степенным человеком, не каким-то прощелью, а хозяином для дома, с таким не стыдно было и на людях показаться. Тодос Свиридович Боцун часто приезжал по делам в их управу и обязательно готовил для Ганны небольшие подарки. Так, какую-нибудь мелочь, а приятно. Приглашал в ресторан: «Не отказывайтесь, Ганночка, вы одна, и я одинокий, нам надо друг друга держаться». Кончилось тем, что покинула Ганна Львов и переехала в небольшое местечко, где служил Тодос Свиридович бургомистром. В их местечке был какой-то особо важный объект, и гитлеровцы ввели там специальный режим. Ну, знаете, эти пропуска, облавы, заложники... Но с Тодосом Свиридовичем считались, не обижали, наоборот, наградили медалью.

Ганночка и там стала работать переводчицей – не сидеть же дома в молодые годы. И Тодос Свиридович не препятствовал: «Пусть, мол, немцы видят, что мы не враги новому порядку». Жили в хорошем доме, обставили его ладно и красиво, выбрать мебель было нетрудно, гитлеровцы многих порасстреливали, а имущество казненных полицаи свозили на склады для отправки в Германию. Тодос Свиридович имел туда доступ, он и подобрал все, что требовалось, не торопясь. Ну а вкус у него был неплохой, тонкий был вкус – до войны работал художественным руководителем в Доме культуры.

По вечерам к ним приходили гости, бывали и немецкие офицеры. Ганночка гостей принимала с радостью и гордилась, когда видела, что офицеры разговаривают с ее Тодосом почти как с равным. Она неплохо играла на рояле. Тодос Свиридович приказал полициям привезти инструмент из Дома культуры, где раньше работал, – офицеры научили ее играть немецкие Lieder, и всем было весело.

А потом... даже страшно вспомнить, гитлеровцы ворвались ночью, увели Тодоса в одном белье, пытали долго и повесили на главной площади местечка, согнав на казнь всех жителей. Были две виселицы. На второй повесили молодую женщину, которая бывала у них в доме и считалась близкой знакомой Ганночки. У обоих были таблички: «Partisanen». Ее Тодос Свиридович – партизан? Нет, она не могла этому поверить! Она ходила к коменданту, тот тоже бывал в их доме, объясняла, плакала, но ей сказали, что Тодос Боцюн действительно партизан-разведчик, и его надо было не просто повесить, а поджарить на костре, закопать по шею в землю дня на три и уже после этого вздернуть. И все это говорил офицер, который целовал раньше ей ручку и старался прийти тогда, когда Тодос Свиридович отсутствовал по служебным делам.

– Но к вам претензий нет, – сказал комендант. – Мы помним и ценим ваши заслуги. Советую возвратиться во Львов, мы дадим положительный отзыв о вашей работе.

И она возвратилась во Львов. Работала, потому что немцы конфисковали все имущество Тодоса Свиридовича, а ей разрешили взять только личные вещи.

В 1944-м, когда подошла Советская армия ко Львову, вместе с учреждением, за которым числилась, двинулась Ганна на Запад. Очутилась в Германии. И пришлось несладко, ой как несладко! На чужой земле и корка хлеба – камень, без слез не проглотить. Многие довелись ей увидеть, как только осталась жива...

И возникла мечта – вернуться на родину. Пусть незваной-нежданной, но домой. Она обращалась в соответствующие советские организации – там долго не говорили ни да ни нет. Видно, изучали ее прошлое. И она решилась – бежала из лагеря, прошла кордоны, почти добралась до мечты – родины. Потом ее схватили, нашли в кармане пистолет... А разве можно было ей, столько видевшей зла и насилия, без оружия? Чтобы первый же встречный, от скуки, от нечего делать, потащил ее в ближайшие развалины? В лагере, где она жила, девчата таким «возлюбленным» глаза спицами выкалывали, лишь бы сохранить себя, не потонуть в грязи.

– Я хотела только одного – домой. Меня здесь никто не ждал, все погибли, но это моя родина. Когда начинается война, перестают действовать нормальные законы, властвует только жестокость. Я имела право защищаться. Но я никому не сделала зла. Наоборот, помню, когда германцы взяли заложников и должны были их расстрелять, я передала списки людям, о которых точно знала – подпольщики. Не моя вина, что любовь к Украине оказалась сильнее любви к жизни. Я ведь понимала, что вот так, – Ганна показала на тюремные стены, – все может закончиться. И все-таки пошла через кордон... – Ганна рассказывала все это проникновенно, убедительно.

И рассказом она как бы выписывала свой портрет: ограниченной мещаночки, которую вдруг жизнь швырнула из уютной папиной квартиры в водоворот событий, завертела, закружила, выбросила на отмель, как море в шторм выбрасывает на берег медузы. Во второй части ее рассказа зазвучали тоскливые нотки – скитания все-таки чему-то научили. И стало встречаться слово святое и высокое – родина.

– А где находился магазин твоего отца? – спросила Леся.

Девушка назвала улицу и, отдавшись нахлынувшим воспоминаниям, подробно рассказала, какой это был старый и красивый дом и как хорошо в нем было мирными вечерами, когда отец раскрывал томик Васыля Стефаника и читал вслух ей и сестричке, тоже потом затерявшейся на дорогах войны. И еще в доме том бывали студенты, которым отец давал книжки бесплатно – пусть учатся для народа.

– А ты в какой гимназии училась? – спросила Леся оживленно.

Ганна охотно назвала и гимназию, и учителей своих, и даже тот вечер припомнила, когда праздновала в кругу друзей окончание учебы.

Леся слушала ее заинтересованно; казалось, доставляют ей эти воспоминания радость. Лицо ее временами светлело, будто падал на него луч солнца. Так светлеет человек, когда заходит речь о милых сердцу далеких юношеских днях.

И когда закончила Ганна, она несколько минут молчала, снова и снова возвращаясь в далекий мир детства. Молчала, чтобы потом бросить грубое и презрительное:

– Брешь!

– Ты с ума сошла! – вскочила Ганна. – Да как ты, паршивка, смеешь такое говорить мне?

– Складную сказочку придумала, – неумолимо отрубил Леся, – и, рассказывая ее следователям, следи, чтобы не сбиться.

– Перестань! Не имеешь права оскорблять! Я свою жизнь честно прожила...

– Может быть, – перебила Леся, – но тогда честно о ней и рассказывай.

– Сволота, рвань вшивая! Да я тебе сейчас!..

– А не хочешь рассказывать о себе правду, тогда лучше молчи. И полегче с проклятиями.

А то я тоже умею, – вела свое Леся.

– А ты... ты разве не оскорбила меня недоверием? Как плетью отхлестала!

– Переживешь!..

Ганна окончательно вышла из себя. Она сжала кулачки – глаза яростные – шагнула к Лесе. Еще секунда, и она бросилась бы на девушку, чтобы ударить ее, вцепиться в волосы и тащить по полу, расшибая каблуками голову, как делала это надсмотрщица в лагере, где она пережидала хмурые дни.

– Молчать! – резко, коротко скомандовала Леся. – Назад! Руки за спину! Живо!

И Ганна, выкарабкиваясь из залившей всю ее ярости, вдруг увидела перед собой не Лесю – надзирательницу из лагеря. Такой же угрюмый голос, такие же короткие приказы, попробуй замешкайся – кровью вспухнет спина от плети.

И не понимая, как это произошло, она выполнила команду, убрала руки за спину.

– В лагере ты действительно была, – удовлетворенно отметила Леся. – А то, может, и немцы вышколили, они это умеют...

– Во такой и мий Гнат скаженный, – бормотала в испуге Яна.

Очнувшись, будто от дурного сна, от злобного, переполнившего душу беспамятства, Ганна во все глаза смотрела на Лесю. Еще и улыбнулась, нет, не улыбнулась – скривила губы, будто в улыбке, а лицо застыло – недоброе лицо, злое.

– Что я хочу тебе сказать, кохана, – будто и не было только что яростной вспышки, почти пропела Леся. – Не повезло тебе. Рассказала ты не о себе – о моей подруге, Ганнусе Божко. В доме ее я часто бывала. И это мне давал бесплатно книжки ее отец. Все было: и книгарня, и гимназия, и бал прощальный. Только не было там тебя, моя рыбонько...

Сказала это так, чтобы не слышала Яна. И так же тихо продолжала:

– Работала Ганнуса у немцев переводчицей. Замуж вышла за Тодоса Боцюна. И видела, как гитлеровцы ее мужа вешали. За что – история это сложная и тебе, вижу точно, неизвестная. Ушла Ганна вместе с немцами, дурочка, испугалась, как бы Советы мстить не начали. А что было дальше – тебе виднее. Только боюсь, нет больше Ганночки Божко, и вряд ли я найду ту могилку, на которую цветы хотела бы положить...

Стояла в камере тишина. Отсчитывал свои шаги часовой.

– Позови его, – сдавленно проговорила Ганна.

– Зачем?

– Донеси. Волю купишь.

– А я и так выйду. Не сейчас, так через месяц, не через месяц, так через два...

– Уверенная.

– Я – да. А ты истеричка, психопатка. Тебя сломать – раз плюнуть. Счастье твое – следователь неопытный попался. У нас бы ты заговорила... – зло блеснула глазами Леся.

– Ого! Где это «у вас»?

– Ладно, спать пора. И десять раз подумай, что на допросах отвечаешь. Нет книгарни. Нет и родных Ганны. Но вдруг остались, как я, друзья? Эх, не я следователь, а то в три дня бы тебя на чистую воду вывела, всю твою «легенду», как кочан капусты, по листочку бы ободрала...

«И правда, счастье, – подумала Ганна, – что не Леся следователь...» Боже мой, так, выходит, ее послали почти на верную смерть?

Степан Мудрый клялся: Ганна Божко – одна во всем свете. Нет, мол, лучше «легенды»... Была переводчицей? Кто это помнит? Не во Львов же идешь, в другой город.

С одной стороны, работала на гитлеровцев, с другой – от них же и пострадала. Схватят чекисты – вдова героя, разведчика. Потому что Тодоса оккупанты и в самом деле вздернули, Царство ему Небесное, и видели это сотни людей. Хотя никто не может поверить, что Тодос Боцюн мог быть партизаном, Много неясного в том, что произошло. Да и повадки гитлеровцев известны: они предпочитали сперва повесить, а потом уже разбираться, виновен или нет. Тодос, когда и петлю накинули, все скулил, а рядом с ним вешали партизанку, так она спокойной была и крикнула: «Смерть оккупантам! Люди, убивайте их, травите, душите, выжигайте огнем!» Это была партизанка, каждому ясно. А Тодос... Никчемный человечиска...

И его Ганна оказалась такой же. Пробовали приобщить ее к национальным идеям, говорит: «Досыть з мене, я и так перед батькивщиною вынувата». Ганна Божко погибла – попала под машину. Совпало это с тем временем, когда стала писать заявки с просьбой разрешить ей возвратиться на родину. Заявления, документы о том, что была переводчицей и служила оккупантам, все уничтожены. Но даже и это можно рассказать чекистам, если возьмут, – «чисто-сердечное» признание всегда действует неотразимо. По дурости, за кусок хлеба, чтобы с голоду не помереть, работала у фашистов. И год в лагере для перемещенных – не поддавалась вербовке, не осталась на Западе, мечтала о родине. Это тоже неплохо...

Степан Мудрый все рассчитал. Он не учел только одного: что попадет она в камеру вместе с подругой Ганны Божко...

– Вот эта, – указал Мудрый на девушку в синеньком, затрепанном дождями и ветрами плащике.

Ткнул пальцем, будто на прицел взял.

– Вижу, – откликнулся его спутник.

Это был щеголеватый парень лет двадцати пяти, в дешевом, но модном костюме, неприметная личность, скуластый, с ленточкой черных усов под длинным носом. К таким обращаются без церемоний: «Эй, парень...» И место им – за конторской стойкой, у ресторанной двери, у входа в отель. У Мудрого парень делал то, что только и умел: когда надо ножом кого пугнуть, строптивых эмигрантов на место поставить, а то и «пришить» слишком упрямых.

Ганну Божко давно предупреждали: «Не таскайся к Советам, в разные комиссии по отправке на батькивщину...»

– Значит, сегодня? – не то спросил, не то напомнил Мудрый.

– Будет сделано.

Во второй половине дня Ганна отправилась в город. Настроение у нее было прекрасное. Кажется, приближается конец мытарствам. Дня три назад ей сказали в комиссии по возвращению на родину, что в ближайшее время ее вопрос будет решен. Трудно в это поверить: столько было уже неоправдавшихся надежд, столько разочарований. Но вдруг повезло? И Ганна шла по прогретым первым весенним солнцем чужим улицам, а ей казалось – это Львов, вот там, за поворотом, – Стрийский парк...

Из-за угла медленно выполз разболтанный «виллис». Машина шла у самой кромки тротуара, хотя улица была пустынной. Поравнялась с Ганной, притормозила.

– Садись, красotka, подвезу, – окликнул Ганну ее хозяин, молодой парень с щеголеватыми усиками.

Ганна еще подумала: «Какой у него ужасный немецкий язык!» Германия в те годы говорила на многих языках, и в этом не было ничего удивительного: пытались выбраться отсюда те, кого пригнали фашисты.

– Спасибо! Мне рядом! – поблагодарила Ганна.

«Виллис» еле катился. Ганна весело махнула рукой водителю, дождалась, пока не мигнул зеленовато светофор, и пошла через улицу.

Мотор «виллиса» взвыл, машина рванулась вперед...

– Все в порядке, – было доложено Мудрому через полчаса.

– Документы взял?

– Да, судочка у меня...

Глава VIII

– Вот твои документы. – Мудрый протянул Злате пухлый конверт. – Они вполне надежны, не «липа», не подведут. Желаю удачи! И помни: от того, сможешь ли выполнить задание или провалишь его, зависит очень многое...

Этими фразами закончился длительный период подготовки, которую прошла Злата в последние месяцы.

Вчера она встретилась с Воркуном и Круком. Встреча эта состоялась на одной из тех маленьких квартир, хозяевами которых являлись доверенные люди службы безопасности.

Адрес назвал Мудрый. И предупредил:

– Не опаздывайте. Эти люди не любят ждать...

Как всегда, все окутывалось таинственной неопределенностью. С кем ей предстоит встретиться, Злата не знала. Впрочем, она уже привыкла ни о чем не расспрашивать.

Ровно в восемь часов вечера поднялась по широкой лестнице старого многоэтажного дома. На третьем этаже остановилась. Все правильно, квартира № 14, на двери табличка выписана мелкой готикой: «Доктор Иоганн Штерн». В почтовый ящик наполовину втиснута газета.

Злата трижды позвонила, и ей тотчас открыли. Мудрый провел ее в комнату, очевидно, предназначенную для подобных встреч. Обставлена она была очень скромно: письменный стол, мягкие стулья, диван, невысокий книжный шкаф. Хозяева, видно, бывали здесь редко, на мебель тонким слоем легла пыль.

За письменным столом сидел Крук.

– Слава героям! – вытянулась, руки по швам, Злата.

– Слава! – серьезно ответил Крук. – Садись, пришло время поговорить нам серьезно.

Крук тихо барабанил пальцами по столу. Злата еще на вечере у дяди подметила эту его привычку. Казалось, он выстукивает мелодию какой-то песни.

Злата прислушалась, чутко уловила ритм, перевела его в слова: «Ге-й, на-ли-вай-те повни-и ча-ры!...»

– Любите эту песню? – спросила.

– Эге ж, – охотно подтвердил Крук. – Славная песня, наша, козацкая.

Мудрый погромел в передней замками, возвратился.

– Как ты себя чувствуешь, Злата? – почти по-отцовски заботливо осведомился Крук.

Злата дернула неопределенно плечиком.

– Когда мне задают такие вопросы, чувствую себя не в своей тарелке...

– Почему?

– Видите ли, не ваша это манера – заботиться о здоровье таких, как я...

– У тебя случай исключительный.

– Заметила.

Злата хотела добавить, что заметила это по той тщательности, с которой ее готовят к предстоящей операции, но прикусила язычок. Не слишком ли много она говорит? Болтливому курьеру – грош цена.

– Чувствую себя хорошо. Готова к операции, – по-деловому, нарочито сухо доложила она.

– Что же, приступим, – предложил Крук. И спросил: – Что ты знаешь о предстоящем деле?

– Немного, – призналась Злата. – Меня пока не ввели в курс задания. Я могу только догадываться.

– Ну и?.. – подбодрил ее Крук доброжелательной улыбкой.

– Могу предположить, что предстоит рейд на «земли». Переход кордона нелегальный. Там – легализация, жизнь по настоящим документам. Установление связей. Изучение обстановки. Работа, рассчитанная не на один день, – наверное, на несколько месяцев.

Злата точно взвесила свой ответ. Конечно, догадывалась она о значительно большем. Ее обучали по специально отработанной индивидуальной программе. Следовательно, предстоит действовать в одиночку. Ушли в программе на второй план такие обязательные для обычного курьера «предметы», как ориентировка на местности, подрывное дело, тренировка в прыжках с парашютом, приемы обезвреживания противника. Все это Злата освоила раньше, и сейчас ее инструкторы лишь заботились о том, чтобы она не потеряла форму. Зато необычно много внимания уделялось изучению современной украинской жизни.

– Представьте, что вы работаете в учреждении... – так начинались многие «уроки».

«Спецкурс», который вел инструктор Варава, давался трудно. Ибо это было проникновение в мир, абсолютно чуждый ученице. Она его наблюдала только издали, но каждая попытка войти в него вызывала у Златы ощущение, будто наталкивается на табличку: «Посторонним вход воспрещен».

– Вы устроились техническим секретарем. С чего вы начнете свой рабочий день?

– Буду ждать распоряжений своего начальника.

– Уточним. Рабочий день начинается в девять. Когда вы должны явиться в учреждение?

– Конечно, ровно в девять.

– Чепуха. В зависимости от того, когда приходит ваш шеф. Советские руководители учреждений имеют обычай прибывать на работу раньше официально утвержденного времени. Вы, если хотите завоевать репутацию дельного и самоотверженного сотрудника, должны быть за своим столом за пять минут до прихода руководителя.

– Ясно.

– Зачем вам эти пять минут?

– Чтобы привести себя в порядок.

– На это хватит шестидесяти секунд – пудреницу, помаду, зеркальце и прочую дребедень секретарши «там» держат в ящичке письменного стола, за которым сидят.

– ???

– Этаким милый беспорядок. Остальное время для того, чтобы отобрать и положить на стол начальнику свежие газеты и самую важную почту.

– Понятно.

– Фамилия вашего начальника – Скляренко Павел Романович. Как вы к нему будете обращаться?

– Товарищ Скляренко...

– Можно, но плохо. Лучше по имени-отчеству.

И так до бесконечности. Злате временами казалось, что ей никогда не постигнуть все эти нюансы, не овладеть стилем жизни, ей непривычной и чужой.

Но, к своему удивлению, через какое-то время она обнаружила, что могла бы, не привлекая особого внимания, трудиться в каком-нибудь тихом учреждении там, на Украине. Что может назвать новые книги и фильмы, знает цены на основные продукты на рынках и в магазинах, почти отчетливо представляет круг интересов своих возможных сослуживцев.

Она была подготовлена к этой учебе воспитанием дяди, редактора Макивчука, заставлявшего ее регулярно читать советские газеты и книги.

А Варава, вытирая огромным платком вспотевшую лысину, переходил к следующей теме:

– Вы – комсомолка. Где вас принимали в комсомол?

– На общем комсомольском собрании.

– А билет кто вручил?

– Ну, наверное, на собрании, кто-нибудь из лидеров.

– «Там» нет лидеров. Это слово для Советов чужое. Употребляется другое – руководитель. Но Устав ВЛКСМ вы не усвоили. Вечером выучить на память...

И Злата поняла, что из нее готовят «среднюю» украинскую девушку, такую, которая окончила десять классов, но война не дала учиться дальше, еще в школе вступила в комсомол, после учебы стала работать преимущественно в небольших учреждениях.

Эта девушка, созданная воображением людей, готовивших ее к заброске, всецело предана советской власти, состоит в комсомоле, мечтает об институте («там» все хотят учиться), а пока неприметно, не торопясь продвигается по служебной лестнице, одолевая одну ее ступеньку за другой.

Свинцово-бледное лицо Варава чуть порозовело от удовольствия, когда Злата однажды поправила его:

– Киевский университет не лежит в руинах. Он функционирует, и в этом году его студентами стало много героев войны...

– Умница! Про руины я вычитал в «Зоре» и по инерции... А вы воспользовались более достоверным источником.

– Читала «Радянську Украшу». Але ж і «Зорю» не лайте...

– Э!.. – махнул рукой Варава. – Зарубите на носу: представления о жизни на Украине, составленные на основании наших пропагандистских кампаний, могут вас здорово подвести.

– Значит, тут у нас брешут? – голосом девочки-паиньки спросила Злата.

Она умела, прикидываясь простодушной и наивной, вынудить собеседника переступить черты дозволенной откровенности, чтобы потом будто ненароком ужалить, поставить его на место.

– Не говорите чепухи, – взорвался Варава, обмахиваясь клетчатым платком. И сам спросил: – А кому здесь нужна пропаганда, в которой все – правда?

Варава служил усердно и числился одним из наиболее толковых инструкторов. А по ночам пил, чокаясь с бутылкой. Пил все, что удавалось достать, и, насосавшись до беспамятства, ревел утробным голосом всегда одну и ту же песню: «За свит встали козаченьки...»

Встречалась Злата и со Щусем, журналистом. Этот считался специалистом по нравственной атмосфере современной Украины. И действительно, он метко, лаконично характеризовал отношения между различными слоями населения, между мужчинами и женщинами, отцами и детьми. Когда он был трезв, слушать его было одно удовольствие, и Злата видела в Щусе прежде всего проникательного и умного собеседника. Но так бывало редко. Обычно Щусь приходил на «лекции» злой, раздраженный и вел свои беседы так, что Злата несколько раз намеревалась доложить Мудрому о крамольных настроениях своего наставника.

– Скажите, – спросил как-то Щусь, – какими соображениями руководствуется советская девушка, стремясь работать как можно лучше?

– Делает карьеру.

– А точнее?

– Хочет продвигаться по служебной лестнице, выбиться в руководство...

– Вы не отвечаете на вопрос, – рассердился Щусь, – я и сам знаю, что такое «делать карьеру». Но зачем ей, простой советской девушке, карьера?

– Высокая зарплата, материальные блага...

– Ерунда! На «той» стороне многие наши мерки неприемлемы...

Щусь стал рассказывать о том, как много значат для молодых людей в СССР такие понятия, как долг, интересы всего общества, верность идее.

– Кто здесь пользуется уважением? – спросил он вдруг. И сам ответил: – Господа грабители – вот кто. Надо только уметь грабить «чисто». И как можно больше. И еще – не попадаться. Наворовал столько, что фабрику купил, – пожалуйста, ты – почетный гражданин. А у них этот номер не проходит.

– Вам нравится советская власть? – тихо спросила Злата.

– Не знаю, – неожиданно искренне сказал Щусь. – Во всяком случае, у нее в основе здоровые, разумные идеи...

Злата долго размышляла над этим разговором и не сказала о нем Мудрому только потому, что посчитала: Щусь ее проверял, говорил то, что подсказал ему тот же Мудрый.

Но наконец Щусь, Варава и другие инструкторы, вымотавшая душу «учеба», непрерывные инструктажи и проверки – все это позади.

Злата знала, что не будут так готовить курьера для короткого рейса. Ей, она думала об этом с болезненным интересом и страхом, предстоит жить на Украине, в каком-то из ее городов, куда попадет по воле высшего руководства организации.

Ничего этого она не сказала Круку. Не любят здесь слишком догадливых. И доброжелательность Крука не ввела ее в заблуждение.

Может быть, поэтому Крук остался доволен ее ответами. Еще раз убедился: смышленная. Не идет ни в какое сравнение с тем человеческим отребьем, с которым приходилось работать в последнее время. Два-три месяца ускоренной подготовки, примитивнейшее натаскивание, – и через кордон. Пусть из десяти повезет одному, двум, трем. Утрата невелика, зато интенсивная деятельность налицо. И вина ли руководства СБ, что чекисты стали чересчур бдительными, вылавливают агентуру густой сетью?

– Мне докладывали, что ты добросовестно отнеслась к подготовке, – продолжал Крук. – Это похвально. У москалей есть на этот счет даже поговорка...

– Тяжело в ученье, легко в бою, – подсказала Злата.

– Вот-вот! Но тебе и в бою будет нелегко... друже сотник!

Злата чуть растерянно взглянула на Крука, потом на Боркуна.

– Но я... у меня...

– Командование УПА сегодня издало такой приказ. И мы счастливы поздравить тебя первыми.

Крук встал, вышел из-за стола: высокий, уверенный в себе, уравновешенный человек средних лет. Он пожал Злате руку, хотел поцеловать по-отцовски, но раздумал: в данной ситуации более уместным было не родительское поздравление, а слова приветия и пожелания удачи от соратника по борьбе.

– Я оправдаю ваше доверие, – взволнованно сказала Злата.

– Убеждены в этом. А теперь слушай...

Крук говорил долго. Он старался, чтобы тон был как можно более доверительным. Злата должна почувствовать: в ее жизни наступил крутой перелом, ей доверяют полностью, с нею, наконец, советуются.

Вот как все выглядело, по словам Крука.

ОУН с трудом пытается встать на ноги. Ряды организации раздрают внутренние противоречия и свары. Угроза раскола – это более чем возможность, сейчас это уже реальность. В эмиграции возникло несколько центров, что еще более ослабило ряды националистов, и без того обескровленные поражением. Ряды ОУН практически не пополняются. Да и за счет кого их пополнять? В Германии очутилось немало украинцев: кого-то немцы вывезли насильно, кто-то бежал с ними. На тех, кто был пригнан в рейх как рабочий скот, рассчитывать не приходится. Они ненавидят фашистов, чужбину и мечтают о дне возвращения на родину. Многие уже выбрались отсюда и теперь шлют письма оставшимся: брехня, мол, что Советы всех побывавших в Германии угоняют в Сибирь, брехня, что их притесняют и ущемляют, есть работа, есть кусок хлеба, дети учатся в школах. Впрочем, среди этого контингента и не было сторонников «национальных идей». В основном это была молодежь, воспитанная Советами. И когда гитлеровцы угнали этих молодых людей в рабство, они в большинстве своем не примирились со своим положением и мечтали о возвращении на родину.

Проще с теми, кто бежал от Советов. Эти готовы служить кому угодно. Но их мало, они перепуганы до полусмерти, не желают и слышать о какой бы то ни было борьбе. Стараются спрятаться так, чтобы не разыскали и не предали суду за военные преступления. Единственная цель – пересидеть где-нибудь в щели смутные времена и эмигрировать в Америку, в Канаду, в Австралию, куда угодно. Там они придут в себя, может быть, некоторые снова обретут энергию для борьбы, так как ненависть к большевикам для них превыше всего. Но пройдет немало времени, пока это произойдет, пока они очухаются.

В свое время руководство ОУН и УПА сделало главную ставку на вооруженную борьбу. Были мобилизованы все силы. Организовать УПА и ее отряды помогли нацисты. Они дали оружие, инструкторов, наконец, создали практически на всей оккупированной территории широкие возможности для формирования боевых подразделений.

Но Советы разгромили эти подпольные сотни УПА. Их больше не существует. Точнее, они «присутствуют» в пропагандистских реляциях, а на деле... Есть, конечно, уцелевшие, остались пока нетронутыми особо законспирированные звенья связи. Но разве это силы для борьбы с Советами? Горстка песка против урагана...

Значит, все проиграно? Стать и им, людям, отдавшим жизнь националистическим идеям, лавочниками в чужих землях, приспособливаться, попытаться создать себе и своим ближним сытую жизнь? Нет, нет и еще раз нет! Их удел – борьба до конца, до любого конца. Пусть даже нет никаких шансов на удачу – нельзя останавливаться... В эти тяжелые дни каждый должен найти в себе силы для исцеления от отчаяния, от бессилия. Только одно чувство сегодня имеет право жить в сердцах, верных знамени ОУН, – ненависть.

Крук говорил внешне неторопливо, размеренно, по несколько раз возвращаясь к одной и той же мысли, чтобы выделить ее, подчеркнуть особо. Но в словах его и в сдержанной манере разговора чувствовалась незаурядная сила. Он умел ненавидеть – это Злата знала. И были у него очень веские причины для такой ненависти. Когда-то отец Крука владел несколькими сахарными заводами и сотнями десятин земли. Адвокат по образованию, профессиональный функционер по роду деятельности, Крук, было время, уже видел себя в мечтах министром, одним из первых людей той самой Украины, которую он стремился отвоевать у большевиков. Не вышло. Отобрали большевики родительские заводы и десятины – там теперь колхозы.

Время от времени Крук строго смотрел в глаза Злате: понятно ли ей то, о чем он говорит? И девушка, раздумываясь от высокого доверия, взволнованная близостью кумира, кивала: да, ей это близко, это и ее взгляды, и ее мысли.

Боркун, устроившись удобно на диване, скучал. Конечно, нужна какая-то обязательная часть в разговоре, но зачем столько слов? Не проще ли изложить суть, пожелать счастья да и по чарке, чтоб дорога гладкой была?

– Где же выход? – спрашивал Крук. – Есть ли у нас хоть какие-то надежды? Есть. Это опора на новых союзников, на тех, кто собирает силы для нового похода против большевиков. В этом крестовом походе найдется место и колоннам ОУН.

А пока – время консолидации и накопления энергии, восстановления потерянного. У нас появились новые друзья и в Европе, и за океаном. И они настоятельно рекомендуют главный упор перенести на сбор информации и создание нужной атмосферы там, на «землях». Сейчас не время, чтобы с саблей на лихом коне выступить в поход, как это сделал когда-то Тютюнник. Тютюнника легко разгромили. И сегодня Советы точно так же сотрут в порошок любого, кто к ним сунется через кордон.

– Это точно, – пробормотал будто про себя Мудрый, который устроился в мягком кресле.

– Поэтому новым походам должна предшествовать идеологическая подготовка, – с некоторым подъемом продолжал Крук. – Раньше наш козак бросался на врага с саблей. В современных условиях есть оружие куда острее: разложение, слухи, дезинформация.

Злата слушала Крука очень внимательно: в том, что говорил член центрального провода, был смысл. Спросила:

– Размывание коммунистической идеологии?

– Любыми путями, – подтвердил Крук. – В этом – суть. Чтобы к тому моменту, когда грядет день икс, были подточены сами устои большевистской власти.

– Далеко вперед заглядываете.

– Иначе нельзя. Надо уметь думать не о булавочных уколах, а о конечных целях...

Крук широкими мазками рисовал картину психологической войны. Горные хребты, могучие, непоколебимые, разрезаны ущельями. Что узенький, слабый родничок против скал? А ведь пилит гранит, разрезает горы. Вот и он, Крук, мечтает о том дне, когда в полную силу забудут родники идеологической войны, заговорит это мощное оружие двадцатого века.

Злате оказывалась большая честь – она пойдет одной из первых, чтобы там, на «землях», создать небольшую, но состоящую из очень верных людей организацию, цель которой – ведение пропаганды, испытание различных способов и форм этой пропаганды, разработанных специалистами с помощью, ну, скажем, зарубежных... друзей.

А потом, вслед за Златой, пойдут другие. Они тоже обоснуются надолго, станут своими в ненавистном большевистском мире, будут трудиться на ниве возрождения национального самосознания не покладая рук...

– Специальные инструкции вам даст наш общий друг, – неожиданно закончил получасовую речь Крук.

Настала очередь Боркуна. Тот дотошно, до мельчайших деталей втолковывал Злате, какие сведения о стране большевиков являются особенно ценными в настоящее время, на что обращать особое внимание.

Всю «лирику» он оставил Круку. А вот суть – то, за что дружественная разведка платит неплохие деньги, он и его инструкторы постарались навсегда затолкать в хорошенькую головку этой смазливой «героини». Пусть себе попутно занимается идеологией. Но разведданные должны поступать регулярно – это товар, который ценится дорого.

Майор Стронг лично заинтересован в успешном внедрении Златы на Украине, так он сказал вчера. Но тут же отказался встретиться со Златой Гуляйвитер.

– Мисс Гуляйвитер пусть и не догадывается о моем существовании. Ни к чему. Мои задания поставят ее в положение агента иностранной разведки. Молодые девушки бывают весьма щепетильными в подобных вопросах. Верно, дорогой друг, у вас профессионально подготовленные люди, которым несвойственны сложные комплексы. Ну а вдруг? Нет уж, пусть ваша Гуляйвитер чувствует себя идейным борцом. Это, знаете ли, льстит самолюбию.

– Мы видим в вашей стране нашего верного союзника, – подобострастно сказал Боркун.

– Что за слова! – поморщился Стронг. – Еще вчера вы говорили: «Мы видим в великой Германии...» Стыдитесь, мистер Боркун, интеллигентный человек должен чувствовать такие тонкости. Вы можете «видеть» все, что вам померещится. Но наша страна не рассматривает вас как союзников. Слишком много чести...

У майора было лицо джентльмена и ухватки коммивояжера. С деловой настырностью он проверил, о чем и как будут инструктировать Злату, передал Боркуну специальную памятку, в которой были сжато изложены задачи предстоящей операции.

– Прочтите и съешьте...

– Что? – поперхнулся Боркун.

– Не надо понимать так буквально, – иронически улыбнулся майор, – забудьте... сожгите... уничтожьте... И имейте в виду, мы к этой операции не имеем никакого отношения. Вы ее проводите на свой страх и риск.

Боркун понимал, почему майор так решительно отрекся от дела, в которое вложил средства и силы. ОУН не очень доверяют. Попытки руководителей ОУН войти в контакт с

разведкой, в которой служил Стронг, предпринятые еще в сорок пятом, не встретили с ее стороны особого энтузиазма.

Коллеги Стронга не были уверены, что им может пригодиться этот сброд, скомпрометировавший себя службой у гитлеровцев. Да и что они могут? Немцы использовали их в качестве карателей, полицейских, пушечного мяса. Серьезная работа доверялась редко. А шефам майора нужны люди, которые умели бы вести дело всерьез.

Кроме того, какой смысл покупать поодиночке? Деловые люди так не делают. Не лучше ли закупить оптом всю их организацию?

Стронг знал, что его шефы – люди деловые – выждали, пока эти ублюдки не взвыли от голода и четкой перспективы попасть в разряд военных преступников, и только после этого дали указание своим органам использовать националистов в пробных операциях. И ни в коем случае не фамиллярничать с ними, не выставлять наметившиеся связи напоказ. Никаких разговоров о «союзнчестве». Никаких обязательств! Пусть еще заработают себе право на место у корыта.

– Имейте в виду, мистер Боркун, эта Злата Гуляйвитер – ваша козырная карта. Мы хотим посмотреть, стоит ли иметь с вами дело...

Боркун, понятиливо кивая, вдруг представил себе: лес где-нибудь под Ровно, вечерние сумерки, майор Стронг у сосны, а в пяти шагах он, Боркун, с автоматом. Дорого бы он дал за то, чтобы всадить в брюхо этому болвану добрячую порцию свинца. Мечта была сладкой и несбыточной, Боркун ее испугался и мотнул головой, чтобы прогнать наваждение.

– Что с вами? – удивился майор. – Или вчера хватили лишнего? – Он презрительно вскинул бровь. – Постарайтесь впредь перед нашими встречами не накачиваться этим вонючим немецким шнапсом.

– Слушаюсь, мистер Стронг...

Попал бы этот майор в ровенские леса, когда гулял там он, Боркун, с боевиками, живо бы научился вежливости. Стронг издевается над ним. Он еще на первой встрече указал место – в передней. Но платит щедро. Если бы не эта хамская привычка постоянно шлепать человека мордой об асфальт...

– Не беспокойтесь, со Златой будет все в порядке, – почтительно сказал Боркун.

Он стоял перед майором почти навтыжку.

– Ладно, держите меня полностью в курсе всего хода операции. Кстати, я слышал, что у ваших людей туго с обмундированием? На днях мы вам подбросим из немецких трофеев.

«Нет, со Стронгом можно иметь дело. Если бы не его колонизаторская спесь».

Боркун добросовестно повторял Злате инструкции Стронга. Минимальный риск. Работа на перспективу. К черту мелочи! Только главное – внедрение, легализация, создание условий для длительной работы и, выполнение по мере необходимости особо важных поручений. Первый этап операции проходит в абсолютной тишине. И кодовое название его – «Тишина».

На втором этапе – создание небольшой, крепкой подпольной группы. Три – пять человек, больше не надо. Проверка их всеми мыслимыми способами. Учить умению проводить пропагандистские акции, собирать информацию. Подготовка основных и запасных явок. Отработка связи с центром. Наконец, создание абсолютно надежной тропы через кордон. Кодовое название этапа – «Тропа». Третий этап, если все пойдет нормально, будет иметь особое значение. Ради него затевается вся операция. Главная его цель – планомерная повседневная пропаганда. Материалы для нее пойдут по тропе. Главное внимание – связям с интеллигенцией. Опора на молодежь. На третьем этапе к Злате прибудет помощник. Дело Златы – создать все условия для его непростой работы. На базе сотни Буй-Тура будет развернута подпольная радиостанция...

Злата восхищенно смотрела на Крука. Вот это размах! Такая операция навсегда прославит ее имя.

Передачи с Украины примут все радиостанции мира. Это даст гораздо больше, нежели все сообщения западных газет о «гражданской войне», якобы идущей в западноукраинских лесах. «Зоря» об этом пишет в каждом номере – призывы, заклинания, проклятия. А фактов нет. И потому «Зоре», как и другим аналогичным газетам, никто не верит. Когда же заговорит радиостанция...

Конечно, люди осведомленные сразу определяют, что «подпольная радиостанция» – блеф. Да и выйдет она в эфир в лучшем случае два-три раза. Чекисты ее неминуемо засекут – чудес не бывает. Но и этого будет достаточно, чтобы устроить очередной антисоветский бум.

А вдруг повезет, и радиостанция продержится несколько месяцев? Сотня Буй-Тура обеспечит ее охрану и пути перемещения. Леса большие, в них можно и затеряться...

Кодовое название всей операции – «Голубая волна».

– Явки... пароли... Повторить: Еще раз. Снова повторить! Шифры...

Инструктаж продолжался долго. Злата устала, глаза ее потеряли бархатный оттенок.

Явки... пароли... шифры... Основные. Запасные. Сигналы провала...

Крук скучал, ожидая, когда наконец Боркун утомится. Такая проверка, с его точки зрения, не вызывалась необходимостью. Злату, не в пример обычным курсанткам, готовили к заброске без спешки, неторопливо. Все, что долдонит Боркун, ей наверняка известно. Мудрый в этом деле ас, он не станет выпускать из клетки пташку с неокрепшими крыльями. Боркун – выскочка, любитель, возомнивший себя специалистом. Кое-что, конечно, и он умеет. Но уж лучше полагаться на Мудрого.

– Все, – сказал Боркун, – и, провались я сквозь землю, если Злата не готова к рейсу.

– К подвигу! – строго поправил Крук.

– Ага ж, – не смутился Боркун. – Каждый день жизни на той стороне – героизм. И нянька-бабькивщина никогда не забудет своих лыцарей.

– Насколько я знаю историю, – вяло пошутила Злата, – рыцарей в юбке не было.

Крук и Боркун засмеялись.

– Прошу об одном одолжении, – сказала Злата.

– Пожалуйста, – с готовностью повернулся к ней Крук. – Речь идет о... – замялся, подобрал требуемое слово, – ...о вознаграждении?

– Нет. О другом. По правилам «игры» я должна идти без оружия. Но... я не могу. Привыкла к пистолету. Разрешите взять его с собой? Так, на всякий случай.

– Нет! – категорически возразил Боркун. – Что за штучки? Вдруг заметут, пистолет вас потянет на дно.

– Если меня арестуют, то будет при мне оружие или нет – это обстоятельство ничего не изменит. Но я не хочу, не допущу, чтобы меня взяли... живой.

Она давно мечтала об этой минуте. Пусть видит Крук, пусть знает Боркун, что для нее борьба – это все. Она посвятила свою жизнь идеалам ОУН. И если не сможет за них бороться – лучше смерть. Злата играла созданную воображением героиню, твердо идущую к заветной цели. И если ей придется погибнуть...

«Фанатичка, – подумал Боркун. – Это хорошо. Спасибо Макивчуку, старый злодьяга воспитал племянницу, вышколил ее получше разведшкол».

– Разрешаю вам иметь при себе оружие, – торжественно, будто оказывая огромную милость, – сказал Крук.

«Пыхатый индюк», – прокомментировал про себя Боркун. И засобирался:

– У меня еще сегодня вечером важная встреча. Если не возражаете, я, пожалуй, откланяюсь.

«Побежит докладывать Стронгу», – без раздражения отметил Крук. Порядок есть порядок: Стронг платит деньги, а кто платит за ужин – тот заказывает и музыку.

Мудрый тоже, сославшись на дела, решил уйти. Он молчал почти весь вечер. Встреча эта – носила скорее «вдохновляющий», нежели деловой характер, а разжигание энтузиазма у агентов – не его специальность. Это по линии Крука.

Крук попрощался с Мудрым и Боркуном, сказал, чтобы как-то объяснить свое решение остаться вдвоем с симпатичной агенткой:

– А мы еще со Златой поговорим. Путешествие ей предстоит долгое, когда свидимся...

Злата тем особым чутьем, которое присуще красивым женщинам, угадывала, что не для очередных инструкций задерживает ее Крук. «Ну и ладно, – думала она. – Внимание такого человека – уже честь для меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.